

Владимир ПЕТУХОВ

Массовые ценности, политическая ориентация и взаимоотношения с властью российских избирателей

I. Ценностные и политические ориентации массового сознания. Их проявление в ходе общенациональных выборов и после них, влияние на взаимоотношения с властью, на формирование нового общественного запроса

1. Общество и современный политический режим в России.

Период середины 90-х годов в политической истории современной России, ознаменовавшийся серией общенациональных выборов – от выборов в Государственную Думу в декабре 1995 года до президентских и губернаторских выборов 1996 года - отразил в себе общие закономерности эволюции политического режима и его взаимодействия с обществом, в том числе и через трансформацию ценностных и политических ориентаций населения. Перемены, произошедшие за этот период в массовом сознании, одновременно и достаточно радикальны (в том, что касается смены вектора общественных симпатий по целому ряду направлений, в первую очередь, относящихся к текущей политической конъюнктуре), и малозначительны (в том, что касается более глубинных ориентаций и мотивов политического выбора). Так результаты голосований, особенно на выборах президента России, продемонстрировали исключительную устойчивость, фактически воспроизводство типов электорального поведения - как в региональном, так и в социальном разрезе - с избирательных кампаний и референдумов начала 90-х годов. Можно констатировать, что произошло устойчивое закрепление в масштабах России региональных "субкультур". Это тем более существенно, что если в 90-93 гг. можно было многое списывать на "харизматические особенности" нынешнего президента, то к началу 1996 года личность того же Ельцина привлекала всего 5-6% взрослого населения, на этом же уровне были позитивные ожидания от возглавляемой им власти - а это значит, что результаты голосования носили, в конечном счете, рациональный характер - при всем воздействии информационных технологий, о роли и мнимом "всемогуществе, которых столь много писали сразу после выборов (губернаторские выборы подтвердили, в целом, эту тенденцию - роль на них "информационных технологий" была на порядок ниже ресурсов чисто политических и административных). И если доверие к большинству конкретных институтов власти и политическим лидерам в обществе в течение всего последнего пятилетия продолжало снижаться, причем практически во всех социальных группах, то в отношении политического режима в целом общество оказалось резко поляризовано, что и продолжают демонстрировать все общенациональные избирательные кампании. Основные водоразделы при этом проходят: а) между населением крупных агломераций и сырьедобывающих районов, с одной стороны, и регионами с сохранившимися традиционалистскими отношениями, в первую очередь, в рамках аграрного сектора, с другой; б) между поколенческими группами - так, по данным исследований, в возрастных группах после 35-40 лет в два-три раза в среднем ниже уровень адаптации к происходящим в

стране переменам, и, соответственно, проявляется значительное более негативное отношение к установившемуся в стране политическому и экономическому режиму. Одновременно усилилась (особенно уже после президентских выборов) тенденция раскола "старого" электората, ранее составлявшего основу поддержки режима, и выделения из него группы "новых недовольных" - в основном инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, проживающих в депрессивных регионах. Значительно радикализовавшись, они, тем не менее, не оказывают однозначной поддержки традиционной оппозиции (КПРФ, НПСР) и сейчас образуют костяк сторонников А.Лебедева. Мотивация же приверженцев нынешней власти, сосредоточенных преимущественно в относительно благополучных социально и экономически регионах - также утрачивает прежний отчасти иррациональный характер.

По данным опроса, проведенного Фондом "Общественное мнение", а также РНИСиНП в последних числах декабря 1996 года, можно судить о степени реальной поддержки обществом современного политического режима в России. Отметим, что отдельные показатели поддержки сильно колеблются, что и приводит к таким парадоксальным, на первый взгляд, фактам, когда число сторонников Б.Ельцина на начало 1996 года составляло примерно 6-7% от активного электората, а на выборах в июле за него голосует более 55%. Сегодня уровень доверия к президенту и правительству вновь значительно снизился, причем доля активных сторонников упала ниже отметки ниже 10%, а вместе с колеблющимися сторонниками составляет цифру около 40%. Так разрыв между числом доверяющих (полностью или частично) и не доверяющих достаточно незначителен. Президенту доверяют 39.6% против 48.5%; правительству - 41.4% против 43.2%; Государственной Думе - 40.9% против 42.3%. Получившие новую легитимацию после осенних губернаторских выборов Совет Федерации, а также органы местной административной и законодательной власти и вовсе имеют положительный баланс - соответственно, 37.8% против 30.7%; 50.0% против 34.4%; 42.3% против 30.0%. Эти данные РНИСиНП хорошо дополняются данными Фонда "Общественное мнение" (Е.Петренко) за тот же период, согласно которым одинаковое количество опрошенных - по 43% - согласны и не согласны "с возвратом в прошлое" (в Москве соотношение 20:69%; в других мегаполисах - 29:59%; в небольших городах - 43:42%, а в селах - 54:28%). Чуть меньше, чем "несогласных с возвратом в прошлое" тех, кто полагает, что ему "удалось адаптироваться к нынешним условиям жизни". Их 33% против 55%, "кому этого не удалось" (соотношение в Москве 54% против 36%; в других мегаполисах - 38:37%; в небольших городах - 35:56%; в селах - 27:63%). Таким образом, можно, в соответствии с разными показателями и методиками подсчета утверждать, что в широком смысле слова социальная база нынешнего политического режима находится в пределах 33-43% от общей электоральной базы, а, соответственно, противников - в пределах от 40 до 50%. При этом ядро сторонников колеблется от 10 до 15%, а противников - от 20 до 25%. Такое соотношение хорошо подтвердилось и на губернаторских выборах (число победивших губернаторов жестко ангажированных флангами нашего политического спектра). Между тем, как уже отмечалось, чрезвычайно высока степень раскола общества в регионально-поселенческом и в возрастном разрезе. Различия в уровне поддержки режима по социальным группам менее ощутима, скорее носит вторичный характер. Ниже приводятся наши оценки по группам, сделанные на основе трех показателей: доверия институтам власти, степени адаптивности к происходящим процессам, желания "вернуть старое" (РНИСиНП, ФОМ, декабрь-январь 1996\7гг.)

	ядро сторонников	общая поддержка	общая оппозиция	ядро оппозиции
мегаполисы	28	56	30	16

крупные и средние города	10	38	49	27
малые города и села	6	27	60	35
молодежь до 30 лет	12	47	24	8
средние возраста (31 - 50 лет)	13	35	47	19
старшие возраста (старше 50 лет)	5	26	54	26

Таким образом, как это демонстрируют и исследования, и выборы, внутри общества по-прежнему существуют, по крайней мере, две ярко выраженные субкультуры, характеризующиеся как "традиционная" и "западническая", в каждой из этих субкультур наблюдаются свои механизмы ретрансляции ценностей, социальных норм и политических установок, свои "опережающие" группы, выступающие в качестве генераторов установок; в то же время не менее половины общества существует в рамках пограничных культурно-политических ценностей. И отношение общества к сложившемуся в России режиму, представляющим его институтам и отдельным политическим лидерам все еще в значительной степени определяется принадлежностью к этим субкультурам. Продемонстрированные различия в отношении к режиму со стороны ключевых групп общества носит, тем не менее, достаточно постоянный характер, отражающий объективные и долговременные противоречия, возникшие в обществе после попыток его реформирования в начале 90-х годов.

В то же время относительно новым явлением, отчетливо проявившимся в 1996 году, стала тенденция трансформации идеологического раскола общества, характерного для предшествующих лет, в конфликт поколений, "поколенческий" раскол. Для устойчиво развивающегося общества ненормальна ситуация, при которой поколение только вступающих в жизнь и по уровню материального благосостояния и, соответственно, по степени удовлетворенности жизнью и показателям адаптивности на порядок превосходит поколение своих родителей. Как показывают опросы, молодежь в основном успешно адаптировалась к новой реальности и исповедует новые ценности, тогда как поколение отцов переживает мучительную деструкцию идентичности, а поколение еще более старшее - отстаивает прежние общественные идеалы.

Выборы президента летом 1996 года, во время которых как сторонники режима (и в узком, и в широком понимании), так и его противники консолидировались вокруг двух кандидатур - Ельцина, воспринимаемого общественным сознанием как инициатора "либеральных" реформ начала 90-х, и Зюганова - лидера КПРФ - еще более актуализировали общественный раскол по линии раздела субкультур и поколений. В то же время уже после выборов ярко проявилась общественная потребность выйти за пределы этой устаревшей альтернативы. Именно этим объясняется, в значительной мере, резко возросшая популярность А.Лебеда (58.4% россиян в декабре, по данным РНИСиНП, ему доверяло, и лишь 17.5% - не доверяло; по данным ВЦИОМ в январе-феврале уровень доверия к А.Лебедю еще несколько вырос), а также в определенной степени Ю.Лужкова, вышедшего на второе место в стране по "рейтингу доверия" (42.7% против 19.4%); на третьем месте по этому показателю с также положительным рейтингом шел Г.Явлинский (34.9% против 24.9%), также как и двое лидеров общественного мнения жестко не идентифицируемый с противо-

стоянием по линии "либералы-коммунисты". Напротив, влияние в обществе и доверие к "героям" летних выборов значительно ослабли. И тому, и другому доверяют значительно менее трети активных респондентов (Зюганову - 29.9%, Ельцину - 22.6% - в феврале по данным ВЦИОМ деятельность Б.Ельцина одобряло 20% опрошенных против 79 неодобряющих), а, напротив, не доверяет - в среднем около половины общества (соответственно, 47.1% и 55.8%). Таким образом, важным итогом периода, прошедшего уже после президентских выборов, стала, с одной стороны, еще более возросшая оппозиционность общества по отношению к ведущим носителям власти, с другой - появление основы для элементов общенационального консенсуса вне рамок старой парадигмы, действовавшей последние пять лет. Как мы уже отмечали, и на губернаторских выборах, в большинстве регионов, в том числе и ключевых для расстановки политических сил в российских регионах, была продемонстрирована, с одной стороны, жесткая оппозиционность электората в отношении прямых ставленников Кремля, с другой, даже победители из числа оппозиционеров в большинстве случаев не идентифицируют себя жестко с той или иной политической силой, в том числе и пока наиболее представительной - КПСР с его ядром в лице КПРФ. На федеральном уровне эта тенденция проявляется и в беспрецедентно низком уровне доверия общества в отношении именно тех институтов, которые призваны это общество представлять - политическим партиям (полностью или частично доверяют 20.7%; не доверяют - 51.8%) и профсоюзам (31.7% и 44.7%).

Губернаторские выборы, более или менее успешно легитимизировавшие власть на региональном уровне (данные РНИСиНП о положительном балансе доверия им подтверждают этот вывод), не решили основной вопрос, который обострился к концу 1996 года: то, что разрыв между обществом и властью на федеральном уровне приобретает все большие размеры. Значительная часть населения уверена в том, что нынешняя власть исходит в своих действиях исключительно из собственных, зачастую корыстных интересов, а не из интересов общества, а высшее в стране должностное лицо - свежееизбранный президент - манипулируем своим ближайшим окружением. Пока ни всероссийское общество в целом, ни российский политический истеблишмент так и не смогли внятно сформулировать российские национальные интересы и то, что можно назвать общегосударственной идеологией. Так по данным центра "Российский мониторинг" за февраль 1997 г., лишь 4.3% населения верят, что "лидеры государства, основные государственные институты в своих действиях руководствуются интересами государства и народов, его населяющих", напротив, 83.6% считают, что они руководствуются "исключительно или преимущественно личными и корпоративными интересами". В обществе усиливается мифология, проявляющаяся в стойком и усиливающемся неприятии к отдельным деятелям из руководства страной, которые воспринимаются именно в качестве этих субъектов манипуляции (в первую очередь, это касается А.Чубайса, которому доверяют лишь 4.% опрошенных, а не доверяют - 69.7%, а также Б.Березовского - соответственно, 3.1% против 50.4%).

2. Кризис власти и формирование нового общественного запроса

Хотя все проводимые исследования вне зависимости от политических ориентаций опрошенных более или менее однозначно фиксируют в целом позитивное отношение россиян к демократическим ценностям институтам как таковым (так с середины 1995 по конец 1996 года осталось практически стабильным число опрошенных, готовых поддержать силовые действия, направленные на наведение порядка - военный переворот - с 13.6% доля его сторонников увеличилась всего до 15.1%; ограничения свободы выезда из страны - с 10.3% до 10.7%; отмены выборов - с 12.4% до 10.9%), зачастую те же самые люди, которые заявляют о своей приверженности к демократии на уровне ценностных установок, оценивая нынешнее со-

стояние российского общества и перспективы его развития, не видят иной возможности выхода из сложившегося кризиса в отношениях между обществом и властью, кроме как путем жесткого наведения порядка. Но если раньше - в том же 1995 году - даже в сознании тех, кто демонстрировал свою приверженность к "сильной руке" и авторитарным формам правления, эта "сильная рука" рассматривалась как некая абстракция, то сейчас ситуация, похоже, начинает меняться. Появление в первом ряду политических лидеров А.Лебедея знаменует собой, судя по всему, смычку общественных настроений с конкретным носителем этих настроений. И политическая перспектива объединения большей части общества вокруг фигуры типа А.Лебедея тем более становится реальной, что сам генерал постоянно уходит от разделяющего общество клише "демократ-коммунист", не являясь ни тем, ни другим - и, работая, в первую очередь, на наиболее массовый пограничный электорат. Впрочем, еще в 90-91 гг. массовой базой ведущего "харизматика" той эпохи были также отнюдь не одни сторонники реформирования по либеральным образцам - вокруг тогдашнего Б.Ельцина объединились и те силы, которые идентифицировали себя в качестве "демократов", и значительная часть сторонников национального возрождения, и многие обыватели, рассматривавшие предполагаемую "сильную руку" Ельцина в качестве альтернативы "слабому" лидеру М.Горбачеву. Общественный запрос на "харизматика" А.Лебедея порожден в период после президентской избирательной кампанией целым рядом факторов, среди которых важнейшими являются:

- частичная утрата имиджа оппозиционности ранее лидировавшими в оппозиционном сегменте политическими силами;
- подрыв доверия и уважения со стороны общества к самим дорогостоящим и неэффективным избирательным кампаниями, в результате которых внутри правящей олигархии наблюдаются лишь малозначительные подвижки (на выборах в Госдуму уверенно победили коммунисты - налицо почти безвластная и компромиссная Дума, никак не влияющая на положение дел; победил Ельцин - от его имени правит ненавистный Чубайс);
- резкое ухудшение социально-экономического фона, в первую очередь, среди тех групп, которые ранее систематически оказывали поддержку реформам (ИТР, депрессивные регионы);
- общая политическая дестабилизация, спровоцированная, в том числе, обострившимися внутриэлитными противоречиями в борьбе за наследство Б.Ельцина.

Так именно в последний год, по оценкам большинства политологов, в российском обществе стала проявляться тенденция возрастания нестабильности, как политической, так и социально-экономической. После периода относительной политической стабилизации в период 1994-95 гг. и возникновения соответствующих ожиданий общества - разрушение складывавшегося баланса сил и интересов в политической элите в период избирательной кампании и непосредственно после ее завершения - привело к значительно возросшему напряжению в отношениях между обществом и властью. И это несмотря на казалось бы более чем успешные результаты для "партии власти" летней избирательной кампании. Как следствие проявления определенной "революционаризации" массового сознания - явно хуже расчетных предварительные итоги губернаторских выборов, а также "феномен генерала Лебедея", добившегося необычайно быстрого роста своей популярности в обществе именно в качестве реакции на неадекватность системной политической элиты. Действительно, если социологические исследования, проводившиеся еще осенью прошлого года, демонстрировали высокий уровень разочарования населением действующими демократическими процедурами и их эффективностью в отношении представительства действительных интересов общества, то через год - осенью 1996 года эти сомнения сменились уверенностью в том, что правящие элиты, в особен-

ности на федеральном уровне не способны и в принципе не могут быть способны соответствовать каким бы то ни было общественным ожиданиям.

Особый интерес в этой связи представляет так называемое "региональное сознание", в течение длительного периода при постоянно сокращающемся кредите доверия в отношении федеральных властей (причем всех ветвей) бывшего основой консолидационных процессов и выработки базовой системы ценностей. Это касается, впрочем, не только сознания, но и социально-политической и социально-экономической организации общества. Отношения между обществом и региональными элитами в принципе отличаются от взаимодействия с общефедеральными структурами. Некоторые исследователи в этой связи прогнозируют распространение ныне наблюдаемых элементов регионализации массового сознания на социально-культурную и этнокультурную сферу. Прошедшие губернаторские выборы среди прочего продемонстрировали и то, что именно на региональном уровне (при всей контрастности политической окраски самих регионов) наблюдается появление политических лидеров, пользующихся поддержкой практически всех основных слоев населения и всех групп политической элиты (Ю.Лужков, М.Шаймиев, М.Николаев, В.Коков, Е.Наздратенко, А.Иншаев, Э.Россель, М.Титов, Н.Кондратенко и другие). Таким образом, можно констатировать, что в отношении фундаментальных процессов, протекающих в обществе и проявляющихся в виде феномена массового сознания, к концу 1996 года произошли существенные изменения, которые способны поставить под сомнение те прогнозы развития социально-политической ситуации в стране, которые делались до начала проявления этих дестабилизирующих тенденций. Так "ренессанс" влияния в Кремле политиков радикально-либеральной ориентации в период конца 1996 - начала 1997 гг. (А.Чубайс, Е.Гайдар) хорошо вписывается в рамки этой нестабильности, порождая одновременно и встречные контртенденции. Фактически, описав круг от радикал-либералов образца 1992 г. (Е.Гайдар-Г.Бурбулис) к "прагматическим хозяйственникам" типа В.Черномырдина, "новым патриотам", представлявшимся группой О.Сосковца-А.Коржакова, власть вернулась к запросу на радикалов ультраправого толка - причем в тот период, когда взгляды представителей этого направления экономической и общественной мысли кажутся анахронизмом и обществу, и элитам. Все вместе это создает опасность резкой революционаризации ситуации в стране, выхода ее из-под контроля федеральных властей.

Между тем, как оказывает опрос, проведенный в конце прошлого года ВЦИОМом ("Итоги", 25 февраля 1997 г.), под понятием "порядок", на который сформировался насущный социальный запрос, более 40% опрошенных понимает "политическую и экономическую стабильность страны", 32% - "строгое соблюдение законов", еще 26% - "прекращение борьбы за власть, развала страны" и всего лишь менее 1% - ограничение демократических прав и свобод граждан. Таким образом, силовое наведение порядка - как единственный оставшийся способ защитить свои гражданские интересы.

3. Во что выльется социальный протест?

Неполный год, прошедший после июля 1996 г., по оценкам экспертов, во многом носил переломный характер. Как свидетельствуют данные как РНИСиНП, так и ВЦИОМ, минувший 1996 год, по мнению подавляющего большинства россиян, оказался наиболее тяжелым как для них самих, так и для России в целом. Как очень удачный прошлый год расценили всего 1.2% опрошенных, еще 21.3% - как в целом хороший, и 73.9 - либо как скорее трудный, либо же, как плохой, очень тяжелый. 53.6% оценили ситуацию в стране как кризисную, и еще 39.4% - как катастрофическую (ВЦИОМ, январь 1997). Хотя и предыдущий год оценивался также негативно, социальное самочувствие населения продолжает неуклонно ухудшаться. Ожидания от следующего года высказывались в еще более пессимистическом ключе.

Вместе с тем в обозримой перспективе не просматривается вероятность "переплавки" общественного недовольства в какие-либо организованные формы социального протеста. И это притом, что сам по себе "протестный" потенциал общества достаточно высок. Однако в политический протест он, как показывает опыт последних лет российских реформ, не перерастает. Так вступить в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов готовы лишь 16.5% опрошенных; принять участие в политическом митинге, демонстрации - 29.0%; принять участие в акции протеста - 35.9%; принять участие в массовой голодовке - 5.9%; принять участие в вооруженном гражданском столкновении на одной из сторон - 8.3%. Дело здесь не только в том, что радикальные способы воздействия на власть отвергаются подавляющим большинством населения, и не в пресловутом "долготерпении". Просто "протестный потенциал" пока аккумулируется в основном в социально-пассивных группах населения и периферийной части элиты, уровень самоорганизации которых крайне низок. Кроме того, значительная часть граждан просто не видит каналов для отстаивания своих интересов. Низкий уровень самоорганизации и политической включенности населения обусловил, в значительной степени, изменение тактики левой оппозиции. Относительная легитимизация режима на уровне глав администраций в регионах также обуславливает малую вероятность бесконтрольного распространения "социального пожара" по стране. Однако социальное недовольство, усиленное раздорами внутри власти, отдельные фрагменты и кланы которой неизбежно будут апеллировать к массам (что уже и имело место в феврале, когда группировкой А.Чубайса был сознательно инспирирован целый ряд социальных акций с целью ослабления и дискредитации В.Черномырдина в глазах общественности и лично Б.Ельцина) вполне способно в решающий момент сказать свое слово. По крайней мере, начиная с января 1992 г. - старта "гайдаровских" реформ - ситуация в обществе ни разу не была столь взрывоопасна.

4. Политическая самоидентификация общества

В связи с ростом в обществе оппозиционных настроений, успехами на последних выборах левых сил и их кандидатов, много говорится о "полевении" общества, обычного процесса для посткоммунистических обществ на определенном этапе. Между тем анализ показывает, что, по крайней мере, значительного полевения в обществе все-таки не произошло. И это при заметном росте оппозиционного потенциала, который далеко не всегда принимает формы "левого" протеста. Общество остается в целом достаточно деидеологизированным, слабо идентифицированным политически.

Многие исследователи связывают общекритическое состояние современного российского общества с т.н. "кризисом идентификации", т.е. в условиях неопределенности и частичного разрушения этнических, государственных, корпоративных, профессиональных и социальных связей на всех этажах общества, теряется или деформируется социальная модель поведения и индивидов, и социальных групп, происходит своего рода "биологизация" поведения, упрощение мотивации, с одной стороны, а с другой, ее усложнение в связи с частичной переориентацией на нетрадиционные социальные и этнокультурные ориентиры.

Стало уже почти общепринятым рассматривать общество и, в частности, его электоральные группы в контексте триады "коммунисты"- "либералы"- "националисты". Однако качественные характеристики этих электоральных групп в полном объеме не изучены и анализа мотиваций идеологического и политического выбора пока в полном объеме не существует. Действительно, не вызывают сомнения утверждения, что интерес к политике весьма низок; политические деятели - и те, которые находятся у власти, и те, которые представляют оппозицию - не вызывают доверия граждан; то же касается и политических партий; ни одно из явно выраженных идеологических течений - демократическое, коммунистическое, национа-

либеральное - не способно привлечь большинства; мобилизационная готовность населения идти на митинги, демонстрации, активно участвовать на чьей либо стороне, еще ниже (практически активный электорат не превышает 1-2%). Можно сказать, что общество достаточно спокойно в период политической спячки - и лишь события типа президентских (в меньшей степени - парламентских) выборов актуализируют ценностный раскол. Рассмотрим в этой связи эволюцию массового сознания в последние три-четыре года (сводные оценки по ряду исследований).

сторонники	19 91	19 92	19 93	19 94	19 95	1 996
"демократической" доктрины, т.е. либералы-западники	37	25	24	18	17	1 5
"коммунистической"	9	11	14	17	14	1 8
"национал-патриотической"	8	9	10	11	10	1 3

При этом 41% населения не отождествляет себя ни с одной из идеологических доктрин, а остальная часть делится примерно поровну между сторонниками трех ведущих идеологий. Разумеется, в основном речь идет о парадных ценностях, которые значительно отличаются от бытовых. Так почти 40% либералов в 91 г. - это отражение существовавшей пропаганды СМИ, внедрявших соответствующие парадные ценности. Следует также иметь в виду, что значительная часть населения (до 20-30%) в большинстве случаев в принципе готова отождествлять себя с идеологическими конструкциями, исходящими от правящего режима.

Несколько иную типологию приводят в "НГ-сценариях" от 16.01.Т.Кутковец и И.Клямкин. По их данным, "в сегодняшней России преобладают постсоветские индивидуалисты (52%); демократы-западники(41%); и интернационалисты (35%). Довольно заметно представлены также державники (21%), объединители (19%) и русские националисты(16%). Среди аутсайдеров - православные христиане (13%), социалисты-реставраторы (12%), и империалисты (7%)". Можно спорить с основаниями приведенной достаточно противоречивой классификации, однако, эти данные подтверждают, что "крайние" идеологии, апеллирующие к национальной и социальной мобилизации достаточно мало популярны. Таким образом, можно говорить об определенной деидеологизации общества, так и правящих элит, формальная "приверженность" их каким-либо идеологическим доктринам, носит скорее функциональный смысл "борьбы" за повышение своего внутриэлитного статуса. Наибольшая идеологизация свойственна в этой связи контрэлитам, представленным в политических "тусовках" вплоть до Государственной Думы, однако при переходе из контрэлиты в элиту (кооптации в исполнительную власть), они становятся идеологически более толерантными. Любая власть, не проводящая активной политики и держащаяся на балансе интересов отдельных группировок, обречена на потерю своих активных сторонников, это мы наблюдаем и ныне. Однако это не означает ее слабости автоматически, все зависит от активности и консолидированности контрэлиты. Тем не менее, приведенные нами выше данные о том, что симпатии общества разделены примерно поровну между ведущими идеологическими доктринами, свидетельствуют о том, что никакая "идеологическая" власть не сможет сегодня располагать ресурсами, необходимыми для консолидации и общества, и элитных группировок.

Адаптация массового сознания к новым реалиям еще далеко не завершена, что определяет его переходный и неустойчивый во многом характер. Современными исследователями (в той или иной степени достаточно обоснованно) высказываются

противоречивые суждения об особенностях трансформации массового сознания: от представлений об его глубинной консервативности, сохранении мощного "традиционалистского" ядра, способного "перемолоть" слабые и неорганичные попытки модернизировать социальные отношения (Г.Осипов), до выводов об уже произошедшей тотальной "революции ценностей", приведшей к его глубокой индивидуализации и рационализации (И.Клямкин). "Данные клямкинского института... подтверждают, что синдром ориентации на отца, на распределительную экономику, на культуру и политику, исходящую из безальтернативных позиций, в целом в России изжиты. Можно сказать, что Россия переходит сейчас от инфантильного типа личности к современной западной форме взрослого типа индивидуального сознания" (НГ-сценарии, 13.02.97).

Таким образом, хотя внешне за период с начала 90-х годов и произошла кардинальная переоценка многих ценностей (изменилось отношение к историческому прошлому, к процессам, которые шли в обществе с 1985 года, к разного рода политическим и культурным символам), процесс смены реальных ценностей, определяющих поведение, шел гораздо медленнее, чем смена "парадных" ценностей, а также смена мифологии. Фактически сегодня наблюдается лишь определенный этап "революции ценностей", происходящей с середины 60-х годов. В результате происходит интенсивный процесс формирования системы частных, корпоративных и групповых (в меньшей степени) интересов. По данным как РНСИМП, так и И.Клямкина, постоянно очень высока ценность свободы. Так в декабре 1996 г. чуть более 70% россиян на предложенный вопрос (материальное благосостояние или свобода?) выбрали свободу, а не материальное благосостояние. Значимость этой ценности непрерывно растет за последние годы (от 55.7% в 1989 г. до 70.6% в декабре 1996 г.). В том числе и низкий уровень мобилизационного потенциала объясняется рядом аналитиков тем, что население, как бы оно ни было не удовлетворено действиями властей и социально-экономическим положением, опасается потерять приобретенную житейскую свободу.

Соответственно, для сегодняшнего россиянина господствующая ценность - ориентация на индивидуализм. Это усугублено тем обстоятельством, что произошло серьезное разрушение социума на институциональном уровне. Корпоративно-территориальная самоорганизация общества медленно формировалась на руинах посттоталитаризма. Система социальных норм. В 90-е годы все это стремительно пошло вспять - разрушение субъектности. В стране "отсутствуют вменяемые экономические и политические субъекты", адекватно способные реализовать какие бы то ни было стратегические интересы. Именно отсутствие "социального ветра", направленного на национал-реформистские цели, является главной проблемой политической жизни.

Сознание общества остается мифологизированным. Хотя теперь мифологизация иная, она затрагивает иные социальные группы, иную часть политического спектра. Общество сильно расколото социокультурно. Разрушение субъектности происходит не только на институциональном уровне. Глубокий кризис идентификации - национальной и социально-культурной. Россия - единственная страна, в которой процесс модернизации экономической и политической системы возглавили не национально-ориентированные силы. Не сложилось единой нации в полном смысле слова, а, соответственно, переход к постиндустриальному обществу оказывается разрушительным для суперэтноса.

В результате, политические ориентации и политическое участие россиян остается неадекватным. Можно сказать, что революция ценностей натолкнулась на два барьера: отсутствие адекватных институтов, нарушена самоидентификация. Проблемам, связанным с поисками политической идентичности современным российским обществом, посвящена вторая часть доклада.

II. Современное российское общество в поисках цивилизационной и политической идентичности (по материалам апрельского исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем)

1. Политическая идентичность в современной России и трансформация политического спектра

В современной научной литературе вопрос об идентичности современного российского общества постепенно становится центральным. Действительно, в нем одновременно действуют самые различные тенденции, подчас крайне противоречивые.

Пошло второе десятилетие реформ, а современная Россия продолжает оставаться крайне аморфным, "киселеобразным" национально-государственным образованием. За десять лет общество так и не смогло выработать общенациональную идеологию, сформировать внутри страны значимых политических субъектов. Отмечаются низкий уровень самоорганизации и пассионарности, все возрастающая субэтничность: и региональная, и социокультурная. За более чем пять лет, прошедших с распада СССР, фактически российское общество пока не смогло создать национальной государственности, а способность "цементировать" суперэтническое образование собственно русский этнос стал утрачивать (чему подтверждением события на Северном Кавказе), уйдя как от старой традиционной идентификации в качестве "российской империи" (с идеологией восточно-христианского мессианства), так и от советской идентификации (с идеологией социального мессианства). По мнению ряда историков, наблюдаемый социокультурный раскол в обществе носит в себе следы многочисленных попыток осуществления модернизации, по большей части - неудачных. Опросы, проводимые в т.ч. РНИСиНП, за последние годы демонстрируют, что сдвиги в процессах идентификации происходят, но достаточно медленно и пока еще не перешли того рубежа, за которым начинается качественно новое состояние. Тем не менее, результаты последнего, апрельского опроса говорят о том, что за последние годы медленно, но достаточно неуклонно проявляются некоторые важные тенденции. Главная из них - это то, что впервые за все время наблюдений как либерально ориентированная, так и коммунистическая ("социал-традиционалистская") части электората уступили "национально-ориентированным" группам населения, хотя содержание, которое вкладывается в это понятие, воспринимается неоднозначно, сам же "национал-протестный" электорат плохо организован, не имеет ни своих признанных лидеров, ни внятной идеологической базы.

Принято считать, что для современной России характерно наличие трех основных политических сил и соответствующих им электоральных типов: либералы-западники (их иногда называют "демократы"), "левые" ("коммунисты", "социалисты"), национал-патриоты ("национал-государственники", "правые", "почвенники", "национал-протестный тип электората"). В целом, такое деление весьма напоминает традиционный политический спектр в большинстве государств с развитой политической системой, особенно европейских, где давно существуют свои "левые" и "правые", а также "новые левые", "новые правые" и т.д. Однако для России, как для переходного общества, данное деление носит существенно иной мотивационный характер, когда за внешне рациональным выбором стоят значительные социокультурные различия, достигающие по некоторым оценкам, состояния глубокого социально-политического раскола.

Насколько данная типология является имманентной по отношению к использованной для ее вычленения методике, и какова ее "онтология", т.е. можно ли говорить о реальном расколе общества на соответствующие типы со своими нормами, ценностями, политическими ориентациями, или же мы в очередной раз сталкиваемся с "артефактом", существующим на бумаге, но не в реальности?

Так, например, несколько иную типологию приводят в "НГ-сценариях" от 16.01. Т.Кутковец и И.Клямкин. По их данным, "в сегодняшней России преобладают постсоветские индивидуалисты (52%); демократы-западники (41%); и интернационалисты (35%). Довольно заметно представлены также державники (21%), объединители (19%) и русские националисты (16%). Среди аутсайдеров – православные христиане (13%), социалисты-реставраторы (12%), и империалисты(7%)". Очевидно, что классификация И.Клямкина противоречива: державник может одновременно выступать в качестве, как империалиста, так и православного христианина, индивидуалист также вполне может быть интернационалистом, как, впрочем, и националистом. Нет четких единых оснований для последовательной типологизации массового сознания.

Важнейшими параметрами, по которым, так или иначе, осуществляются типологии, являются не ответы на отдельные вопросы социологической анкеты, так или иначе дифференцирующие общество, а апелляция к некоему историко-культурному архетипу, в комплексе определяющему особенности массового сознания. Массовое сознание, даже опирающееся на элементы рационального выбора, в основе своей достаточно мифологично. Число мифов, влияющих на политический выбор, ограничено. За каждым мифом и стоящим за ним архетипом сознания просматривается целостная картина мира, объясняющая индивиду его место в нем. Эмпирический анализ показывает, что важнейшими факторами, исполняющими роль доминантов типологии, являются:

А. ось, которую можно условно назвать "реформисты-традиционалисты";

В. отношение к Западу как, соответственно, союзнику или противнику;

С. некоторые особенности системы ценностных ориентаций, из которых, как, в том числе показывает и проведенный в апреле опрос, наиболее существенными являются ориентации на ценности индивидуализма (индивидуальной свободы) в альтернативе с ценностями порядка (коллективной ответственности).

В анализируемом исследовании самоидентификация дополняется данными о мнениях респондента по другим вопросам, в результате чего строится комплексная типология. Но сначала сделаем краткий исторический экскурс.

На "волне" либеральных реформ начала 90-х число сторонников радикально-либерального развития России, по некоторым данным, доходило до 40-45%. Разумеется, сознание большинства из них было насквозь мифологично. Так костяк сторонников "демократической революции" и наиболее "оголтелую" их часть составили многочисленные ИТР, в том числе из закрытых или полузакрытых городков, работавших на ВПК, население крупнейших индустриальных центров типа тогдашнего Свердловска, в основном состоявшее из тех же ИТР и квалифицированных рабочих. То есть именно те, социальные группы, которые, уже начиная с января 1992 г. стали стремительно нищать и маргинализироваться. Основой идеологии тогдашних либералов была даже не столько рыночная экономика (точнее - и она, но тоже в мифологизированном виде), а именно идея абсолютной ценности западного цивилизационного типа развития и, соответственно, отрицание самооценности "российской почвы", которая, якобы, и способна была только воспроизводить отсталость и вековое рабство, милитаризм и имперское сознание.

Этому типу сознания и соответствующим ему политическим организациям противостояло сознание "контрреформаторов", как их называли демократические СМИ, а позднее возник термин "красно-коричневые". Главным стержнем их позиции было отстаивание "исторической идентичности", причем как советской, так и досоветской, наиболее ярким политическим субъектом, представляющим этот тип сознания, стал Фронт национального спасения, наиболее активно действовавший в период, непосредственно предшествующий октябрьским событиям 1993 г. (аналог в тогдашнем

Верховном Совете – группа "Российское единство") Интересно отметить, что многочисленные исследования, посвященные типологии политического выбора в тот период - как в обществе, так и в тогдашнем парламенте (Г.Сатаров, В.Сергеев, покойный А.Собянин) подтверждали факт крайне резкой поляризации сознания. Все "объекты" исследования при многомерном факторном анализе "ложались" строго вдоль плоскости "первой главной компоненты", которую интерпретировали (особенно прямолинейно - А.Собянин и его группа, на основании данных которой даже принимались определенные политические решения - например, о формировании переходного Верховного Совета СССР после августовских событий, в который были делегированы наиболее "прореформистские" российские депутаты) как ось "консерваторы-реформаторы". Выделить осмысленную "вторую главную компоненту" никому из исследователей так и не удалось. Политический спектр четко делился, соответственно главной оси, строго на четыре сектора: радикальные реформаторы; умеренные реформаторы; умеренные консерваторы; радикальные консерваторы. Отдельные идеологические разногласия, например, среди "консерваторов" между "левой" Сажи Умалатовой и "правым" М.Астафьевым были практически несущественны. И те, и те - отстаивали общероссийскую идентичность против угрозы ее утраты, которая связывалась, в первую очередь, с деятельностью реформаторов типа Гайдара и Бурбулиса. И, соответственно, наоборот, откалывавшиеся от тогда почти доминировавшей на "демократическом" фланге "ДемРоссии" лидеры и партии (тот же М.Астафьев, В.Аксюциц, О.Румянцев, В.Исаков, не говоря уже о Р.Хасбулатове и А.Руцком) очень быстро оказывались логикой политической борьбы в активе непримиримой оппозиции, что подтверждает тезис об отсутствии в тот период какой-либо социальной базы для "третьей силы".

События осени 1993 года стали своего рода апофеозом именно социокультурного противостояния "Запада" и "почвы", в историческом плане наиболее близкая в российской истории аналогия - это "стрелецкий бунт" конца 17 века, направленный против попыток раннепетровской модернизации, угрожавшей "старомосковской" идентичности. Но "почвенники", политически наспех слепленные в союз типа ФНС, представляли в социальном плане в тот период определенную "социальную резервацию", по своим ориентациям противостоящую не только радикальному флангу, но и центру, что и предопределило в тот период их историческое поражение. За неполные четыре года политический ландшафт в России изменился радикально, причем в сторону усложнения. Сегодня ни в обществе, ни в парламенте нет недостатка ни во "вторых", ни в "третьих" главных компонентах. И, как показывают результаты исследований, это усложнение достигнуто в первую очередь, за счет трансформации именно старого "демократического", "реформистского" электората, резко поляризовавшегося на "либерально-космополитический" сегмент и "национал-реформистский". В наименьшей степени перемены коснулись традиционалистской части электората, в основном голосующего за коммунистов и их ближайших союзников. Значительная часть населения не отождествляет себя ни с одним из сегментов "триады", называя себя "центристами" или "прагматиками". Исследование показывает, что по основным своим характеристикам "центристы" весьма близки "националистам", то есть в любом случае готовы поддержать скорее некую "третью силу", а не крайности, по традиции представленные ортодоксальными либералами и традиционалистами.

2. Социал-традиционалисты и их политическая идентичность

Так в наиболее "законсервированном" виде сохранились социал-традиционалисты, которые и составляют большую часть электората Г.Зюганова и его политических структур (КПРФ, НПСР). Основа их идеологической идентичности - это поздне-советский период. Приведем некоторые данные из апрельского исследе-

дования, подтверждающие тезис о социал-традиционалистах как общественной резервации.

"Традиционная оппозиция", в основном группирующаяся вокруг НПСР и других лево-националистических организаций так и не сумела выйти из "социокультурной резервации", что, как будет показано ниже, исключает в ближайшие периоды выработку общенационального консенсуса вокруг этой идеологической, организационной и электоральной базы. Несмотря на постепенно нарастающую радикализацию общества, доля сторонников социалистических идей в разных ее вариантах и представляющих ее символах и политических персонажей остается в пределах 17-21%. Так за два года число сторонников "планового социалистического хозяйства" увеличилось чисто символически - с 15.4% до 17.3%. Число "сторонников коммунистов" или "сторонников социализма" (в разных вариантах), правда, согласно данным исследования возросло с 14% до 21.9% - но это при резко увеличившейся политизации населения (если два года назад 41.1% вообще отказались себя идентифицировать, так как "политикой не интересуются"), то в апреле 1997 года таковых было всего 18.5%. По существу, цифра вокруг 20% по данным не только исследований, но и выборов стабильно характеризует объем ядра левого электората, который может при ряде обстоятельств увеличиваться в 1.5 - 2 раза за счет фокусирования вокруг него общепротестного потенциала. Однако поражение Г.Зюганова на президентских выборах прошлого года вкупе с достаточно сервилистской политикой фракции КПРФ в нынешней Госдуме значительно препятствует возможности новой концентрации вокруг левых сил протестного фокуса. Изменяется и генезис "социалистической идентификации". Так, значительно увеличилась доля населения, весьма положительно оценивающая "период застоя" 60-80-х годов (с 17.0% до 28.3%) при сохраняющемся на прежнем уровне достаточно прохладного отношения к периоду революции и сталинизма (так два года назад революционные годы и период установления Советской власти вызывали чувство гордости у 6.4%; ныне - у 6.5%); за "возвращение к социалистическим ценностям и идеалам" в качестве общенациональной идеи выступают сегодня 18.4% против 10.0% в 1995 году.

Из таблицы хорошо видно, что только у социалистов не вызывает (относительно, конечно, если учесть, что Петр I выступает для всех остальных групп едва ли не в качестве основного парадного символа российского государства - только у 26%, что в среднем в два и более раза меньше, нежели у всех остальных групп - в том числе и либералов, и националистов) чувства гордости эпоха Петра и тем более эпоха Екатерины, а также и реформы Александра II. Напротив, только у социалистов чувство гордости вызывает эпоха революции, эпоха Сталина. Но наибольшая идентичность для социалистов связана с эпохой застоя. Напротив - годы ельцинских реформ признаются только либералами. Все это говорит о том, что социалисты находятся в состоянии исторической и социокультурной резервации - о том же свидетельствуют и другие данные, которые мы приведем ниже. Что же касается националистов, то они - с точки зрения социально-исторической идентичности - во многом ближе либералам, нежели социалистам, тем более что и современные либералы далеко отошли от своих ранних догматических принципов и, начиная с предвыборной кампании конца 1993 года начала активно апеллировать к российской исторической символике. Но все же "националисты" занимают промежуточную позицию, являя собой синтез дореволюционной и советской идентичности.

Социалисты исключительно высоко, единственные из всех, оценивают Ленина (оценка 4.1 при средней 3.3, при этом 46.8% ставят ему "5"). Сказанное касается и оценки исторической роли Сталина. По многим параметрам современные социал-традиционалисты не признают сложившейся политической системы, в том числе и ценностей правового государства и демократических процедур. Хотя в этих вопросах наблюдается позиция, достаточно близкая к общественному консенсусу. Так сегодня считают, что "демократические процедуры очень важны" 51.0% против

17.9% (отметим, правда, что этот тезис имеет тенденцию к некоторой девальвации, так как два года назад соотношение было 56.0:13.6%). Среди сторонников социал-традиционалистской идеологии соотношение гораздо ближе к равному - 39.3:27.1% в пользу демократии, безусловной современной парадной ценности. И еще одна интересная таблица, демонстрирующая, что сознание социал-традиционалистов носит в гораздо большей степени мифологизированный характер, нежели у представителей других убеждений.

Идея сплочения?	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	всего
единение народов России	23.8	46.2	29.9	32.5	33.6
правовое государство	49.4	38.6	22.2	50.9	37.8
национальная уникальность	3.1	12.5	3.6	5.8	6.5
объединение народов мира	7.5	8.1	3.3	11.5	7.7
противостояние Западу	3.1	8.9	8.9	4.2	6.3
объединение славян	5.6	13.1	9.1	6.6	8.9
сближение с Западом	34.4	6.1	1.4	9.4	8.2
православная вера	3.1	6.1	2.8	4.2	5.0
индивидуальная свобода	10.6	4.2	.8	15.0	6.9
социалистические идеалы	.0	5.1	58.2	5.0	18.4
всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Видно, насколько резко отличаются ценности социалистов по сравнению с остальными. При этом идеологические предпочтения националистов и либералов между собой гораздо ближе. И, следовательно, массовый электорат реформистской ориентации постепенно мигрирует от либералов к национал-реформистам. Либералов от националистов отличает в первую очередь отношение к Западу, но и те и другие готовы поддержать идею правого государства и рыночной экономики. Сторонники социал-традиционалистов, как показывают и опросы, и анализ результатов выборов и референдумов, доминируют в целой группе регионов, особенно относящихся к т.н. "красному поясу", где сохранились в наибольшей полноте следы традиционного общества.

Регионы	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	
Калининград	8.2	20.5	9.6	31.5	100.0
Новгород	5.0	42.0	24.0	20.0	100.0

Архангельск	10.7	36.0	13.3	13.3	100.0
Н. Новгород	10.9	27.7	16.8	19.8	100.0
Владимир, Тула, Тверь	6.3	33.1	21.6	20.8	100.0
Москва	22.4	20.6	11.8	21.2	100.0
Воронеж	9.5	16.8	23.2	24.2	100.0
Казань, Вол- гоград	7.8	12.2	31.1	28.3	100.0
Ставрополь, Ростов-на-Дону	3.5	32.4	28.8	20.0	100.0
Екатерин- бург, Оренбург	15.5	21.0	18.8	19.9	100.0
Кемерово	3.6	35.0	24.3	22.1	100.0
Красноярск	7.4	30.9	21.3	23.4	100.0
Хабаровск	6.8	30.7	11.4	21.6	100.0

Из таблицы очень хорошо видно, что, несмотря на быстрый и значительный по объему рост в обществе за последний год оппозиционных, антиправительственных и антипрезидентских настроений, социал-традиционалистская резервация не возрастает численно и ее влияние в регионах, выходящих за пределы "красного пояса" не возрастает. Так "социалисты" численно преобладают из числа тех регионов, по которым мы располагаем данными, лишь в Воронеже и Волгограде, где их влияние носит традиционный характер. В социально-неблагополучных регионах, причем там, где социальное напряжение даже значительно выше, нежели на аграрном юге с его относительно развитой инфраструктурой - т.е. в таких регионах как Владимир, Тула, Тверь, Н. Новгород, Красноярск, Хабаровск, на Промышленном Урале с его традиционно сильным влиянием либералов - преобладают не социал-протестные, а национал-протестные настроения. Именно эти регионы, ранее голосовавшие за "демократов", ныне переориентировались на ценности национал-реформизма. Таким образом, можно сделать вывод о том, что усилилась (особенно уже после президентских выборов) тенденция раскола именно "старого" электората, ранее составлявшего основу поддержки режима, и выделения из него группы "новых недовольных" - в основном инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, проживающих в депрессивных регионах. Значительно радикализовавшись, они, тем не менее, не оказывают однозначной поддержки традиционной оппозиции (КПРФ, НПСР) и сейчас образуют костяк сторонников А.Лебедева. Мотивация же приверженцев нынешней власти, сосредоточенных преимущественно в относительно благополучных социально и экономически регионах - также утрачивает прежний отчасти иррациональный характер. Социал-традиционалисты же остаются группой, в которых поиски идентичности, неприятия новой по существу страны, которая становится современная Россия, выпавшая из своего исторического процесса (она и ранее, казалось бы, выпадала - в период революции и первых послереволюционных десятилетий), но синтез идентичности был восстановлен при Сталине и в еще более сильной степени при Брежнев, который и сам, и возглавляемый им политический режим воспринимался именно как в высшей степени "традиционная русская власть" со всеми ее достоинствами и недостатками) остаются наиболее сильной

мотивацией их политического выбора. По аналогии, социал-традиционалисты, это - сегодняшние русские староверы, не принявшие разрушения своего мира и своей системы ценностей.

Глубокий раскол общества на субкультурные группы (по нашему мнению, имеющие уже и некие субэтнические характеристики) препятствует выработке единого национального сознания, общей национальной идеологии, основанной на единой идентификации (этнической, исторической и политической). Приверженность той или иной идеологии в России носит далеко не однозначно рациональный характер. Проще всего было бы утверждать, что сторонники "реформаторов" - это просто адаптированные к социально-экономической ситуации граждане. Экономический фактор определяет политический выбор вовсе не столь однозначно. В условиях этнокультурного раскола - "Демвыбор" Е.Гайдара, например, выступает фактически в качестве национального движения космополитического городского субэтнуса, а коммунисты - в лице Г.Зюганова - в качестве "национального движения", отражающего идентификационные интересы традиционного субэтнуса. Образно выражаясь, "партия туземцев" против "партии колонизаторов".

Дело, на наш взгляд, состоит в том, что в отличие от западной цивилизации, где социалистические тенденции носят однозначно антиконсервативный и антинационалистический характер, в России они составляют национальную традицию. Массовое консервативное сознание, опорой которого является российская глубинка, является национал-социалистическим. Основная черта его состоит в отношении к государству как высшей ценности, являющейся гарантом воспроизводства некоторых жизненных устоев, включающих своеобразное понятие о социальной справедливости, национального самосохранения, прогресса, этнополитических ориентаций. "Мы, русские, представляем собой одну семью... У нас нет своей индивидуальной нравственности... В семье за нравственностью следит отец семейства, у нас - власти. Если власть безнравственна, мы и все становимся безнравственными" - редактор лево-националистической газеты "Дуэль" Ю.Мухин, сентябрь 1996 года.

По мнению ряда современных исследователей массового сознания (например, И.Клямкин) для современного российского общества характерно заметное преобладание как раз установки на индивидуализм, что еще более должно подчеркивать изоляцию социал-традиционалистов. "Данные клямкинского института... подтверждают, что синдром ориентации на отца, на распределительную экономику, на культуру и политику, исходящую из безальтернативных позиций, в целом в России изжиты. Можно сказать, что Россия переходит сейчас от инфантильного типа личности к современной западной форме взрослого типа индивидуального сознания" (А.Зубов, НГ-сценарии, 13.02.97). Однако именно в этом отношении можно утверждать, что если на уровне парадных ценностей это именно так (84.0% опрошенных признают, что "главное в жизни - это интересы мои и моей семьи" против всего 14.5% согласных с тем, что "главное - это интересы моей страны и моего коллектива, ради их процветания я готов пожертвовать личным благополучием"), то все же большинство (59.0% против 35.1%) полагает, напротив, что "жить как все лучше, чем выделяться среди других", а 58.6% также полагают, что "ради наведения порядка можно на время пожертвовать и индивидуальными свободами". Фактически как раз по этим позициям выделяются из общего ряда как раз либералы-западники. Но разброс между типами сознания чрезвычайно высок.

Некоторые ценности	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	цен-трист	все-го
быть индивидуальным	61.9	33.9	15.2	47.8	35.1

жить как все	32.5	60.4	80.9	46.2	59.0
свобода	64.4	32.8	17.5	46.5	36.8
порядок	30.6	63.1	80.3	49.6	58.6

И еще один весьма интересный момент, связанный с мифологизированным восприятием процесса распада СССР и перспективами его гипотетического восстановления. Именно социал-традиционалисты как носители старой советской идентичности в гораздо большей степени, нежели националисты выступают адептами воссоздания СССР в полном его объеме. И это, в частности, подтверждает то, что типа идентичности, ведущего свои истоки от "старой российской империи" минуя или не замечая советского периода, то есть "белой идеи", практически не существует сегодня. Старая российская империя целиком поглощена советской идентичностью, а новые националисты, формирующиеся на руинах реформистско-либерального сознания, вовсе не считают себя однозначными преемниками Российской империи. Именно в этой связи наши оценки существенно расходятся с представлениями некоторых политологов и политиков, тяготеющих к православно-государственной идеологии, о противостоянии ценностей традиционных и социалистических (например, статья А.Савельева "Ценностное пространство кризисного социума", "Политик", N 1, 1997). Серьезные культурологические и исторические исследования говорят скорее о том, что советское общество, особенно в период 30-60-х гг. было цивилизационно значительно более однородным, нежели дореволюционное, тем более в послепетровский период. В том числе эта однородность была достигнута (ценой, разумеется, огромных потерь) за счет снятия так и не ставшего органичным для основной части народного сознания пласта так называемых "православно-самодержавных" ценностей. Не случайно, особенно в ранние советские годы из недр народного самосознания, освобожденного от оков старой идеологии и старой государственности, активно полезла дохристианская архаика, включая даже некоторые древние языческие культы (в том числе это касается и широко дискутируемой ныне "темы Мавзолея").

Так при анализе данных исследования обращает на себя внимание то, что, например, Николай II - почти официальный символ прерванной имперско-монархической идеи - так и не стал символом веры для новых русских националистов - несмотря на настойчивые попытки его канонизации. Сторонники национального возрождения ставят ему оценку 3.0 - примерно такую же, как и все остальные (средняя оценка по всему массиву опрошенных - 2.9).

С кем следует объединяться	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	все-го
Азербайджан	7.5	11.7	35.7	13.6	17.2
Армения	10.6	14.4	36.8	16.8	19.2
Белоруссия	38.1	61.2	73.1	56.7	57.9
Грузия	11.9	18.9	38.8	21.8	23.0
Латвия	8.8	13.6	25.2	15.7	17.1
Литва	9.4	11.7	24.4	15.5	16.2
Молдавия	11.9	20.8	21.9	17.6	18.1
Казахстан	16.3	29.2	35.5	28.3	26.5
Киргизия	6.9	6.8	8.9	6.6	6.6
Узбекистан	3.1	5.5	7.5	6.3	5.6
Украина	27.5	43.4	35.2	42.5	38.3
Таджикистан	.0	.6	2.2	1.0	1.0
Туркмения	1.9	2.1	1.7	.8	1.4

Эстония	3.8	3.2	1.1	4.2	3.2
ни с кем	51.9	32.6	21.1	35.4	34.1

В качестве наиболее рьяных изоляционистов, конечно, проявляют себя, прежде всего, либералы. Самые ярые державники - это социалисты, а вовсе не националисты, занимающие промежуточное положение. С Таджикистаном, Туркменией и Эстонией ни хочет объединяться вообще никто, а "непопулярные" закавказские республики, а также Узбекистан, Киргизию и Казахстан выбирают исключительно социал-традиционалисты.

Таким образом, в связи с ростом в обществе оппозиционных настроений, успехами на последних выборах левых сил и их кандидатов, много говорится о "полевении" общества, обычного процесса для посткоммунистических обществ на определенном этапе. Между тем анализ показывает, что, по крайней мере, значительного полевения в обществе все-таки не произошло. И это при заметном росте оппозиционного потенциала, который далеко не всегда принимает формы "левого" протеста. Общество остается в целом достаточно деидеологизированным, слабо идентифицированным политически - наиболее оформленные мифологически крайности - либералы и социал-традиционалисты постепенно маргинализируются, их электоральные ядра размываются.

сторонники	19 91	19 92	19 93	19 94	19 95	19 96	1 997
"демократической" доктрины, т.е. либералы-западники	37	25	24	18	17	15	9
"коммунистической"	9	11	14	17	14	18	2 1
"национал-патриотической"	8	9	10	11	10	13	2 7

Сказанное позволяет и объяснить, почему в России собственно за весь период расцвета политического плюрализма так и не появились или почти не появились настоящие левые. Собственно левое крыло в России представлено лишь несколькими маловлиятельными группировками, связанными с идеологией "евролевых" - можно назвать имена Б.Кагарлицкого, А.Бузгалина и т.д. Они располагают еще меньшей поддержкой электоральных групп, чем "классические правые" - т.е. православные монархисты, опирающиеся на традиции дореволюционного консерватизма антисоциалистического типа. Можно сказать, что в отличие от Европы, где левые идеи носили революционно-интернационально-антигосударственный характер, в России социализм является основой традиционной культуры, и в этом отношении брежневское общество "развитого социализма" носит более традиционный характер, чем, пожалуй, какой-либо иной период в истории России. Социал-традиционализм как особый тип сознания, главный носитель национальной идентичности, является исключительной особенностью российского политического ландшафта. Но, подытожим, лево-традиционалистская ниша в массовом сознании является на сегодняшний день наиболее его консолидированной и организованной частью. Так если весь объем этой ниши на уровне 21-22%, то ее ядро - сторонники "планового социалистического хозяйства" составляют 17.3% всех опрошенных, или же около 48% всех социал-традиционалистов. Более 70% социал-традиционалистов поддерживают КПРФ или другие организации, входящие в блок НПСР, около 65% готовы голосовать за Г.Зюганова. Ни либералы, ни тем более

националисты на сегодняшний день не имеют ни такой идейной консолидации, ни общепризнанных лидеров или политических образований.

Каким должен быть экономический строй?	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	всего
плановое социалистическое хозяйство	3.1	9.3	47.9	5.8	17.3
отдельные элементы рынка	17.5	44.1	36.0	35.4	33.1
отдельные элементы госрегулирования	61.3	32.2	6.9	45.1	30.9
свободный рынок	13.1	1.7	.8	3.7	3.5
затрудняюсь ответить	5.0	12.5	8.3	10.0	15.1
всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

3. Либеральный фланг политического спектра

Стремительно сокращается доля убежденных сторонников либеральных ценностей. Так практически вдвое сократилось за два года доля населения, идентифицирующая себя в качестве "сторонников радикальных рыночных реформ и быстрого сближения со странами Запада" с 17.2% до 9.2%. А число сторонников "рынка, практически нерегулируемого государством" упало с 12.6% до 3.5%. Таким образом, если общее число сторонников режима (в том числе, являющихся такими отнюдь не из-за преданности либеральной доктрине) остается на уровне от 35 до 40% (как это показали президентские выборы), то ядро этого типа электората остается на значительно более низком уровне (менее 10%). Сторонники планового социалистического хозяйства ограничиваются только одной группой - социал-традиционалистами. Даже среди либералов - за свободный рынок всего 13%. Остальные группы склоняются скорее все-таки к варианту госкапитализма с отдельными элементами свободного рынка.

Современная часть электората, идентифицирующая себя с либералами-западниками, переживает достаточно сложный период и носит значительно менее консолидированный характер. Фактически, сегодня внутри этой группы сложились две подгруппы: - "рациональные" либералы - в основном, те, кто так или иначе связан с относительно процветающими экономическими структурами, в том числе, связанными на "либеральном" компрадорском бизнесе; - "социокультурные" либералы - представляющие "западнический" цивилизационный тип сознания, это в основном, представители части гуманитарной интеллигенции.

Профессия	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	всего

рабочий	7.7	30.0	18.7	21.7	100.0
ИТР	16.9	33.6	13.5	24.7	100.0
интеллигенция	17.3	29.3	5.3	40.0	100.0
услуги, торговля	12.2	23.0	10.3	23.0	100.0
служащие	14.5	27.7	4.8	30.1	100.0
предприниматели	24.1	24.1	3.7	37.0	100.0
военные, МВД	11.8	36.8	14.7	25.0	100.0
пенсионеры	4.8	25.8	33.5	15.7	100.0
студенты	31.0	23.8	2.4	16.7	100.0
безработные	10.3	25.6	20.5	17.9	100.0

Из таблицы хорошо видно, что предприниматели делят свои симпатии между либералами и националистами, что лишний раз демонстрирует, что в современную националистическую идентификацию заложены реформистские политические и экономические ценности. Либералов много среди студентов и, вообще, среди молодежи, чей уровень жизни, согласно тем же данным, на сегодняшний день значительно превышает уровень жизни у более старших поколений. И, наконец, либеральный тип сознания на достаточно высоком уровне представлен среди интеллигенции.

По всем параметрам, нынешние либералы - люди достаточно агрессивные, по своей нетолерантности уступающие лишь социал-традиционалистам. Так именно среди либералов наибольшее число сторонников роспуска Государственной Думы (35% - за; на один процент больше - против; тогда как по всем опрошенным соотношение составляет 32.3% против 38.3%), а также введения достаточно авторитарных форм правления.

Пять лет, прошедшие с 1991 года, когда либерально-западническое сознание доминировало, особенно в крупных городах и среди активных слоев общества, показали, что либерализм в России в его антинационально-космополитическом варианте имеет значительно большие корни, чем это могли предположить в свое время даже самые вдумчивые аналитики. Особенно показателен в этом отношении ход президентской избирательной кампании 1996 года. Г.Зюганов, выступающий в качестве лидера некоей "национал-патриотической" коалиции - реально, в гораздо большей степени - национал-государственник, традиционный консерватор, нежели коммунист - отторгается массовым городским сознанием, фактически представляя "традиционалистскую резервацию". Б.Ельцин, в течение последних лет (особенно в 1994-95 гг.) эволюционировавший в направлении консервативно-бюрократического государственничества с элементами полицейского режима, вновь перед выборами оказался вынужден опереться на "демократов" и стоящие за ними политические и финансовые структуры. Тот же генерал А.Лебедь, консолидировавший вокруг себя часть "национал-протестного" электората, в дальнейшем, уже получив государственную должность, предпочел опереться на поддержку "радикал-либералов". Однако на сегодняшний день, очевидно, что либеральные ценности образуют "веер"

идей и лидеров, а консолидацию либералов, вокруг Б.Ельцина в 1996 году вряд ли удастся воспроизвести в обозримом будущем. Дихотомия "либералы" - "коммунисты" (социал-традиционалисты) на протяжении почти десяти последних лет определяла российский политический спектр. Однако, как мы показали в начале материала, год, прошедший после президентских выборов, все в большей степени предопределяет маргинализацию как той, так и другой группы, а вместе с этим и теряет отчасти прежнюю актуальность глубокий социокультурный раскол, существующий и длительной время существовавший в России.

В качестве важной проблемы, соответственно, мы видим анализ характера, причин и генезиса наблюдаемого в современном российском обществе социально-политического и социально-культурного раскола, определявшего в значительной степени политическую жизнь последнего десятилетия и перспектив его преодоления в рамках выработки общенационального консенсуса. И это притом, что по оценкам некоторых современных историков (Л.Семенникова), сам цивилизационный раскол носит исторический характер, прослеживается в различных формах на протяжении длительного периода (от религиозного раскола в 17 веке). Его современные острые и противоречивые формы стали ведущим фактором, препятствующим оформлению и институционализации общенациональных политических и экономических субъектов. Параметры же, характеризующие внутригражданское противостояние, весьма многообразны: это, очевидно, и историко-культурные, и идеологические факторы, и сложные этнополитические процессы, принявшие во многом необычную, нетрадиционную для России форму, и резкое изменение конфигурации и характера социальной структуры, приведшее к глубокому не только материальному, но и ценностному расслоению. Как отмечает ряд аналитиков, современное российское общество вообще отвергает любую идеологию, тем более мобилизационного характера, однако общество без идеологии носит нетрадиционный для России характер.

4. Националисты: национал-традиционалисты или национал-реформисты?

Значительно расширилась электоральная база "русских националистов" - как показывает анализ, впрочем, достаточно умеренного толка, идентифицирующих себя как "сторонников возрождения русской нации и поиска самостоятельного русского пути" - с 10.5% до 27.2% и ныне эта группа населения в своей части политического спектра оказывается наиболее представительной. Анализ результатов апрельского исследования показывает, что по своим социально-экономическим и политическим предпочтениям "националисты" занимают промежуточную позицию между либералами и коммунистами, выступая, таким образом, как представители политического центра. По большинству позиций они при этом ближе либералам - то есть, ориентированы на ценности свободного рынка, регулируемого государством и правового государства. Имея тенденцию к расширению своего электорального поля, националисты способны генерировать консолидирующие общество ценности, которые в той или иной степени в состоянии восприниматься и смежными идеологическими группами.

Если социал-традиционалисты в лице советских коммунистов были значительное время у власти, либералы подготовили и осуществили революцию 1990-1991 гг. и в основном своими силами и на базе своих принципов сформировали режим, который можно условно назвать "послеавгустовским", то национал-патриоты, в чистом виде у власти не бывшие, часто воспринимаются как "третья сила", наиболее перспективная с точки зрения прихода к власти в обозримом будущем. Так еще в период "расцвета" радикально-либеральной идеологии в 90-91 гг., когда число их сторонников достигало (разумеется, в первую очередь, на уровне парадных ценностей), большинство аналитиков полагали, что неизбежно и весьма скоро наступит жесткая "реакция" в виде возврата к традиционным национал-государственным ценно-

стям. Ряд аналитиков и идеологов этого направления (С.Кургинян, А.Дугин, А.Проханов) предсказывали в России "консервативную революцию", причем уже не позднее середины 90-х годов, тем более неотвратимую и радикальную, чем дальше остаются у власти "либерально-космополитические" силы. С другой стороны, существовало мнение, что ставка на националистические силы в сегодняшней России бесперспективна, поскольку русский этнос слабо "пассионарен", и по сравнению с другими странами, избавившимися от коммунистического тоталитаризма, и в постсоветском пространстве, и в Восточной Европе, Россия остается едва ли не единственной страной, в которой "антикоммунистическую революцию" осуществили не националистические (национал-демократические) силы, а либерально-космополитические. Сегодня национал-патриоты близки как никогда к политическому успеху - националисты представляют самый распространенный тип массового сознания, но их "социально-политический облик" вовсе не похож на того устрашающего пассионария, которого боялись либералы-космополиты ("угроза русского фашизма") и прихода которого жаждали Проханов с Дугиным. Взгляды современных "националистов" (именно как массового типа сознания - представляющие националистов политические структуры, как правило, значительно радикальнее, и, может быть, именно поэтому не столь влиятельны) отличаются достаточным многообразием (что способствует объединению вокруг идей национального возрождения людей с самыми разными политическими убеждениями, касающимися остальных проблем социального бытия), а также большой умеренностью. Он в целом, как мы уже отмечали выше, носит скорее реформистский характер и соответствует ценностям национал-реформизма. "Особенный, подлинно евразийский характер страны, которая нуждается... в долговременной цивилизационной модернизации. Внутрицивилизационное столкновение - это долговременное дело и единственной платформой победы в нем может быть патриотизм, соединенный с демократией" (А.Уткин, "НГ", 07.09.96).

Идея сплочения?	Каким должен быть экономический строй?				
	Плановое социалистическое хозяйство	Отдельные элементы рынка	Отдельные элементы госрегулирования	Свободный рынок	всего
единение народов России	18.2	37.7	26.7	3.1	100.0
правовое государство	9.1	38.7	37.2	2.0	100.0
национальная уникальность	10.6	33.6	34.5	5.3	100.0
объединение народов мира	7.5	36.1	37.6	3.0	100.0
противостояние Западу	19.1	37.3	22.7	8.2	100.0
объединение славян	13.0	43.5	27.9	1.9	100.0
сближение с Западом	1.4	21.1	60.6	8.5	100.0

православная вера	18.6	27.9	27.9	2.3	100.0
индивидуальная свобода	.8	15.8	59.2	5.8	100.0
социалистические идеалы	52.5	28.8	4.4	.9	100.0

Сторонники национальной уникальности, представляющие ядро типа "националистов", демонстрируют в целом достаточно центристские взгляды на развитие экономики, по крайней мере, среди них больше сторонников свободного рынка, нежели в целом ряде других групп.

Если проследить динамику количественных показателей национал-патриотического электората, то обращают на себя внимание следующие моменты. В середине 80-х, "национал-патриотическая компонента" присутствовала на равных с либеральной в формировании перестроечной контрэлиты, впоследствии выдвинувшейся на первые роли в суверенной России. Признанные лидеры русских националистов того времени - известные писатели и деятели культуры (В.Распутин, В.Белов и другие) - пользовались исключительно высоким авторитетом, были своего рода лидерами общественного мнения наряду с другими культурными "символами" перестройки. Но уже в 87-88 гг. в культурной и политической элите началось стремительное размежевание. Побеждавшей при поддержке высшего кремлевского руководства западнической партии удалось "загнать" своих оппонентов на радикально-маргинальные позиции (связать их с провокационным обществом "Память", непопулярным Е.Лигачевым и др., навязать им имидж реакционеро-антиперестройщиков) и таким образом сильно подорвать их позиции в массовом сознании. Например, в 1989 г. в Москве, согласно данным нашего опроса, за то, чтобы "страна стала такой же, как цивилизованные страны Запада" высказывалось около 56% респондентов, за то, чтобы "страна развивала свою самобытность, не стремилась во всем следовать за странами Запада" - всего 11%. Отношение к лидерам патриотической контрэлиты стало явно отрицательным. На благодатную почву упала борьба с имперским сознанием, так по опросам, проведенным в начале 1990 г. в Москве, лишь 13% высказывали сожаление в связи с односторонним провозглашением суверенитета Литвой при 32% одобряющих этот акт и остальных равнодушных. Позднее с равнодушным одобрением и населением, и политической элитой в целом от либералов до национал-коммунистов из КПРФ был встречен распад СССР (68% москвичей согласно опросам, проведенным 10 декабря 1991 г. поддержало беловежские соглашения при 7% высказавшихся против - в тот период, чтобы ни делал Ельцин, все воспринималось положительно; лишь несколько депутатов ВС РФ, в котором уже через год будет доминировать непримиримая национал-коммунистическая оппозиция, выступили против или воздержались при ратификации Беловежских соглашений).

Что же касается российской глубинки, то она в этот период находилась в состоянии апатии, явно не выражая своего мнения. В конце 89- 90 году произошло блокирование либералов с наиболее динамичной частью националистической контрэлиты, сплотившейся в то время вокруг только что образованной КП РФ. Именно благодаря поддержке этой части националистического спектра либералам удалось провозгласить суверенитет РСФСР (в этом они были поддержаны практически всеми лидерами российских националистов от В.Распутина до С.Бабурина и В.Аксючица) и надолго захватить политическую инициативу. Однако после августа 91 г. националисты-почвенники были практически исключены из формировавшейся

политической элиты, а Ельцину в качестве национального лидера удалось в то время объединить вокруг себя значительную часть стихийного националистического электората, воспринимавшего его в качестве "сильной руки", авторитарного вождя, способного противостоять "антинациональной политике М.Горбачева". Гайдаровские реформы уже к середине 1992 г. значительно подорвали поддержку либералов, российская провинция стала достаточно определенно склоняться в направлении коммунистов и патриотов, что же касается Москвы, то снижение поддержки в московском электорате либералов не приводило все это время к усилению позиций националистов.

Поддержат ли ограничения во имя спасения страны?	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	все-го
да	15.0	28.4	33.2	18.4	23.0
нет	57.5	35.4	34.1	42.5	39.2

Таким образом, мобилизационный потенциал национальной идеи в России до последнего момента и в настоящее время остается сравнительно небольшим - гораздо меньше, чем это вытекает из объективных факторов. Проблема - в рыхлости этнического русского ядра, раздираемого социальными и культурными противоречиями. Очевидно, от преодоления этих противоречий и зависит будущность российской государственности.

Как заметил А.Ципко в "НГ" от 30.08.96, "возникли основания для нового размежевания политической элиты". Угроза российской государственности, проявившаяся (в том числе) в чеченских событиях и подходах к урегулированию кризиса, по существу привела к расколам внутри всех ведущих политических сил. Новый исторический вызов России, связанный с нерешенностью кардинальных проблем, ее государственности, требует и совершенно иной расстановки политических сил.

Подчеркнем следующий важный вывод: в современном националистическом электорате выделяются две группы: традиционный национал-консерватизм российской глубинки и этнический национализм сторонников создания национального государства, тяготеющий к либеральному электорату мегаполисов и в социальном аспекте классу национальной буржуазии, попутчиками которой выступают ИТР, квалифицированные рабочие и часть интеллигенции.

Силы, называющие себя национал-патриотическими, занимают фактически с самого начала процесса политического реформирования значительное место в современном политическом спектре. В этом смысле они могут рассматриваться в качестве российского аналога "новых правых" в политическом спектре западной демократии. Идеологическая основа "новых правых" состоит в восстановлении государственной и национальной идентичности на путях апелляции к "традиции". Однако, как мы покажем ниже, взгляды именно российских "национал-патриотов" на собственно национально-государственную политику России носят весьма противоречивый характер. Возможно, это происходит потому, что само понятие "традиции" для российской истории носит отнюдь не однозначный характер. Одни традиционалисты апеллируют к монархическому периоду истории (причем к различным его этапам), другие - к также уже впитавшей в себя определенную традицию - советской истории и советской ментальности. Важнейший "оселок" противостояния - это дилемма "национальное государство" (с той или иной - мягкой или жесткой - формой этнократии) - "возрождение империи" (опять-таки в разной форме, с различной конфигурацией).

Общественное мнение по этому вопросу носит чрезвычайно противоречивый характер. С одной стороны, нарастает, как отмечает в частности, И.Клямкин, великорусский национал-изоляционизм, популярна и в обществе, и в политизированной среде идея объединения восточнославянских республик и создание "православно-го" государства без кавказских и среднеазиатских народов. С другой стороны, отмечаются и тенденции роста центростремительных сил на всем постсоветском пространстве. В этой связи наиболее распространенным является мнение, согласно которому Россия должна восстановиться в качестве сверхдержавы, но не совсем в прежних границах.

Представления общества о национальной доктрине	199 3	199 5	199 6
Россия - "русская республика"	24	28	22
Россия - "союз славянских народов"	46	49	54
Россия - евроазиатская сверхдержава	17	14	10

Приведем в этой связи следующие высказывания политиков и публицистов, принадлежащих к лагерю "национал-патриотов" - авторов недавно вышедшего сборника "Неизбежность империи". "Противопоставить идее целенаправленного разрушения Российского государства и русской нации мы можем только понимание того, что объединительная имперская сущность нашего государства, его масштабы и мощь соответствуют масштабам русской миссии. Россия может быть только великой державой. Задача России состоит в том, чтобы укрепиться как национальное государство и подготовить себя к новому имперскому строительству" (А.Кольев). "Главная задача государственного цивилизационного строительства - сохранить духовную чистоту и этническую целостность создающего народа. Формирование нового национального сознания возможно лишь на духовном фундаменте Православной Церкви... Отсюда вторая задача - воссоздание лишь той Империи, которая бы максимально полно объединила духовно близкие народы восточно-православной цивилизации. Из пределов будущей Российской Империи должны быть жесточайшим образом исключены представители чуждой нам исламской цивилизации (Кавказ, Средняя Азия)..." (И.Артемьев, Председатель правления Российского общенационального союза).

Разумеется, свои подходы к национальному вопросу имеются и у других политических сил, не идентифицирующих себя (или идентифицирующих вторично) с национал-патриотами. И так же, как у национал-патриотов, у них нет единства по подходам к решению национального вопроса. Коммунисты (и вообще "левые") также делятся на "национал-коммунистов" (Г.Зюганов и его окружение, особенно ярко в идеологии примыкающему к КПРФ движению "Духовное наследие" под руководством академика А.Подберезкина; именно Г.Зюганов и А.Подберезкин - ключевые фигуры в недавно созданном "Национал-патриотическом союзе России") и "интернационал-коммунистов" (В.Анпилов, С.Умалатова, идеолог "Правды" Б.Славин). Можно утверждать, что национал-коммунисты по своим подходам к национальной проблеме в целом мало отличаются от национал-патриотов как таковых, различия скорее состоят в том, что если среди некоммунистических национал-патриотов много нетрадиционных националистов, сторонников этнократического государства (А.Баркашов, А.Севостьянов), то национал-коммунисты представляют собой в большей степени типичных традиционалистов, пытающихся интегрировать монархическую и советскую традиции.

Обращает на себя внимание достаточно четкое размежевание. Оппозиция - за парламентскую республику, либералы - за жесткую президентскую, причем достаточно решительно, националисты как обычно занимают промежуточную позицию,

однако идея монархии в этой группе несколько привлекательнее, чем для остальных.

Система формирования высших органов власти	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	все-го
президентская республика	57.5	26.3	9.7	28.6	26.0
парламентская республика	21.3	30.5	20.8	38.8	25.8
президент избирается парламентом	3.1	4.4	3.9	3.1	3.2
монархия	3.1	11.2	6.4	5.2	7.1
власть Советов	1.3	7.2	45.2	3.7	13.8
всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

И, наконец, с точки зрения идентичности различных типов массового сознания представляется крайне важным определить образ внешнего мира, кто является реальным или потенциальным союзником, от кого исходит угроза? С кем хотят дружить и кого боятся те же русские националисты? Данные показывают, что сознание современных россиян носит весьма прозападный характер: внешний мир вообще - не важно в позитивном или же в негативном плане - это, в первую очередь, США. Америку любят, Америку боятся, ее ревнуют ("мы так к ней тянемся, а она с нами поступает так плохо" - как говорят психоаналитики, "комплекс обманутой жены"). Либералы любят ее искренне, но у националистов и социал-традиционалистов никакой позитивной альтернативы ей нет. Геополитические альтернативы типа Китая, Индии, Ирана носят сугубо умозрительный характер, в культурно-цивилизационном плане к этим странам нет ни интереса, ни тяготения. 64.4% либералов полагают, что именно с США надо развивать отношения в первую очередь, но и у националистов аналогичный показатель - 43.6%, больше, чем в этой группе набирает какая-либо иная страна. Социал-традиционалисты, как и полагается истинным почвенникам, вообще проявляют себя как самые большие ксенофобы, но и у них США находятся на первом месте - с ними хотят дружить 28.5% представителей этого типа сознания. Прямо обратная картина получается при анализе ответов - кого боятся? Националисты и социал-традиционалисты боятся, конечно, тех же США (соответственно, 37.7% и 53.7%), далее с большим отрывом идут Германия, Китай и Афганистан. Зато и у либералов на этот раз никакой альтернативы США как основной угрозе нет, правда, ненамного от США (23.1%) отстает Китай, не любимый либералами (21.9%).

Кто представляет угрозу?	Политическая самоидентификация				
	либерал	националист	социалист	центрист	все-го
США	23.1	37.7	53.7	37.5	38.1
Ирак, Иран	11.9	8.9	3.6	9.7	7.7
Афганистан	18.1	14.2	14.7	17.3	15.4

Турция	3.8	7.6	3.9	5.5	4.9
Китай	21.9	19.5	17.2	17.1	17.7
Япония	5.6	9.3	12.5	9.2	8.9
Германия	5.6	10.0	16.6	10.8	11.0
Англия	1.3	1.9	3.3	3.7	2.6
всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Попытаемся подвести некоторые самые общие итоги предложенной классификации. Современное политическое сознание в России можно охарактеризовать следующей типологией.

А. Либералы-западники - 9-10%

в т.ч. ядро - сторонники свободного рынка и скорейшего сближения с Западом на его условиях - 3-5%

В. Национал-возрожденцы - 25-30%

в т.ч. ядро - сторонники идеи национальной уникальности - 6-7%

в т.ч. национал-реформисты - 15-18%

в т.ч. национал-традиционалисты - 8-9%

С. Социал-традиционалисты - 20-22%

в т.ч. ядро - сторонники планового социалистического хозяйства - 15-17%

Д. Центристы или политически неопределившаяся часть общества

в т.ч. убежденные центристы - 10-14%

в т.ч. аполитичная часть общества - 20-27%

5. Мотивация политического выбора и некоторые объективные тенденции развития российского общества

Изменения в политическом спектре - количественные и качественные - тесно связаны с политическими процессами, происходящими в современной России. Выделим некоторые из них:

Нарастает разочарование со стороны общества демократическими процедурами и увеличивается разрыв между обществом и властью. Так в среднем на 4-5% по сравнению с летом 1995 года выросло (и соответственно, уменьшилось) число тех, кто уверен, что "в делах страны ничего не зависит от простых граждан" (66.1% и 70.3%) или "в делах страны многое зависит от простых граждан" (23.4% и 18.8% в апреле этого года). Примерно вдвое сократилась социальная база доверия проводимому курсу и, в первую очередь, лично Президенту России (39.6% и 16.8% в апреле). Ненависть к "новым русским" стала по существу фактором, консолидирующим все общество, за исключением очень его ограниченной части (за изъятие в пользу государства несправедливо нажитых состояний и особняков ныне выступает 73.0% против 45.2% два года назад).

Усугубился разрыв в обществе и по социально-экономическим позициям. Около 60 % населения (по минимальным оценкам; по максимальным - 65-75%) воспринимают свое социально-экономическое положение как крайне неблагоприятное и разрыв между "благополучной" и "неблагополучной" частями общества ("адаптантами" и "дезадаптантами") усиливается. Именно за счет подключения к "неадаптированной" части общества целых социальных слоев, ранее выступавших в качестве социальной базы режима, привел к появлению группы "новых недовольных" - преимущественно представляющей нетрадиционалистские слои и регионы, а в соци-

альной плане - ИТР и квалифицированных рабочих и служащих, значительную часть нестатусной интеллигенции.

В соответствии с этими тенденциями постепенно меняется и расстановка политических сил, борющихся за место в пост-ельцинском политическом пространстве. Противостояние двух политических "субкультур" - ориентированных на западническо-либеральные ценности и на социал-традиционалистские постепенно утрачивает в масштабах общества свою актуальность. Пожалуй, впервые на политической авансцене появились лидеры, способные практически в равной степени вызывать позитивные ожидания во всех группах общества, еще недавно расколотого итогами президентских выборов, да и самим ходом кампании на две непримиримые враждующие "цивилизации". Впрочем, уже и тогда подобная поляризация носила достаточно архаический характер. Вот эти перемены, носящие характер глубоких подводных течений, которые становятся видными не за короткий в несколько месяцев отрезок времени, и закладывают основу нового политического спектра, отличную от той, которая сложилась в первый период посткоммунизма.

Ниже мы приведем таблицу, подтверждающую этот тезис. В ней содержатся данные о доверии отдельным политикам со стороны отдельных групп населения, по-разному идентифицирующих свою политическую ориентацию.

Доверие политикам (да, нет)	Политическая самоидентификация					
	либерал	националист	социалист	центрист	Политикой не интересуюсь	все-го

некоторые современные политики конфронтационного типа

Е.Гайдар						
Да	45.6	14.2	3.3	19.7	7.5	14.8
Нет	31.3	67.8	79.8	55.9	63.4	63.2
Б.Ельцин						
Да	42.5	14.2	1.7	14.4	11.1	15.0
Нет	33.1	70.8	88.9	62.5	55.6	66.7
Г.Зюганов						
Да	2.5	20.1	65.4	14.2	11.1	25.5
Нет	88.8	54.7	18.3	64.6	55.6	52.4
А.Чубайс						
Да	20.6	5.5	1.9	9.2	4.0	6.8
Нет	47.5	79.9	84.8	72.4	70.2	74.4

некоторые современные политики консолидационного типа

А.Лебедь						
Да	32.5	49.6	41.6	43.0	33.9	41.6
Нет	35.0	26.3	35.2	25.2	30.1	29.4
Ю.Лу						

ЖКОВ						
Да	54.4	44.5	29.6	44.6	36.0	40.3
Нет	19.4	27.1	33.5	20.2	28.3	26.6
Б.Немцов						
Да	59.4	53.0	36.6	52.8	35.4	46.9
Нет	20.0	19.7	26.3	13.1	22.0	19.9

а вот еще пример политика, принимаемого всеми группами, кроме одной - социал-традиционалистов

Г.Явлинский						
Да	41.9	42.4	21.6	45.7	23.0	34.9
Нет	24.4	28.0	37.1	21.3	33.5	29.2

Впрочем, здесь следует отметить, что Лебедю несколько в меньшей степени доверяют либералы, а Лужкову - социал-традиционалисты. Но и в этих группах соотношение доверяющих и недоверяющих носит примерно сбалансированный характер. А вот Немцов на сегодняшний день - единственный политик, пользующийся доверием практически всех групп общества, причем не только выделенных по принципу политико-идеологической самоидентификации, но также и социально-демографических.

Проиллюстрируем сказанное. Дело не в самом Немцове, который нам вовсе не представляется однозначно перспективным политиком, дело в некотором новом общественном феномене. Следует также напомнить, что и в недавнем прошлом всеобщим доверием пользовались некоторые политики, слабо привязанные в общественном сознании к определенной нише в политическом спектре, и имевшие репутацию "просто хорошего человека". Таким, например, был врач-окулист и непрофессиональный политический деятель Св.Федоров в период до президентских выборов.

Отношение к назначению Б.Немцова Первым вице-премьером

Группы	Положительно	отрицательно
до 21 года	43.2	10.2
22-26 лет	45.5	9.0
27-30 лет	50.0	11.5
31-40 лет	48.3	6.5
41-50 лет	53.7	16.0
51-60 лет	53.6	14.7
старше 60 лет	48.9	15.6
рабочий	51.0	16.0
ИТР	60.7	16.9
интеллигенция	65.3	13.3
предприниматели	64.8	9.3

6. Политический выбор россиян и социальное расслоение общества

За последние годы существенно, на наш взгляд, возросла рациональность политической мотивации. Фактически социокультурный раскол общества, о чем будет более подробно сказано ниже, сохраняется, но ядра "генераторов" этого раскола имеют тенденцию к сокращению. Так в начале 90-х годов социальная база "демократической революции" состояла в значительной степени из люмпенизированных слоев и ИТР, в последующий период в наиболее сильной степени материально проигравшей от реформ. Мотивация этих групп носила в высокой степени иррациональный характер. Сегодня процентов на 60 лояльная режиму часть населения поддерживает его и либеральные ценности потому, что этот режим соответствует их социально-экономическим интересам. Отсюда и прогнозируемое снижение в предстоящий период роли идеологической обработки общества и информационных технологий в процессе избирательных кампаний.

Оценка реального социально-экономического положения сегодняшних россиян во многом носит достаточно противоречивый характер. Так, полученные по различным методикам, сильно различаются данные о реальном уровне жизни, социально-экономической дифференциации по социальным и региональным группам. И это неудивительно: структура источников доходов крайне сложна (согласно некоторым оценкам, доля зарплаты, начисляемой по основному месту работы, составляет в среднем не более 20-30% всех доходов), объем реального оборота финансовых ресурсов в "теневой", т.е. недоступной для налогообложения части экономики недостаточно хорошо известен, что же касается самооценок, то они, как правило, носят субъективный и мифологизированный характер. И, тем не менее, субъективная оценка своего материального положения (и это при всем притом, что обычно респонденты склонны переносить свой личный опыт на все общество - так богатые считают, что все нормальные люди могут много заработать, а остальные - "пьяницы и бездельники", малообеспеченные, напротив, уверены, что все, кто "гребет миллионы - жулики и коррупционеры") представляется нам в целом более достоверным показателем, чем даваемая респондентами информация о фактическом денежном доходе в расчете на члена семьи - по естественным причинам она обычно занижается в среднем в 1.5-1.7 раза.

Данные апрельского опроса говорят о том, в первую очередь, что уровень социального напряжения в обществе остается на достаточно высоком уровне и продолжает медленно увеличиваться. Так в декабре 1996 года оценка уровня материальной обеспеченности достигла минимальной отметки за период с начала реформ 1992 г. На рис. 1 изображена кривая медленного падения доли населения, живущей в условиях минимальной, но все же достаточной для физического производства материальной обеспеченности. Ныне эта цифра составляет чуть более 50%, соответственно, немногим менее 50% общества живет за гранью бедности - даже по нашим, очевидно, заниженным ее критериям. Если в глобальном плане - со времени начала реформ - около пяти лет назад - лишь у 6.4% россиян уровень жизни возрос, а у 71.9% - упал - более или менее значительно - то за последний год-полгода число людей, крайне недовольных своим материальным положением возросло на 3-4%. Образовалась достаточно устойчивая группа, в среднем составляющая около 18%, живущая в целом обеспеченно ("денег в целом хватает", "испытываем полное материальное благополучие"), и чуть менее 50% - по данным апрельского опроса - 47.5% - испытывающих существенные материальные трудности и не сумевших приспособиться ("дезадаптанты"). В соответствии с применявшейся методикой, это те, кто относил себя к категории "вынужденных занимать деньги и продавать личные вещи, чтобы выжить" (18.5%) и "живущих от зарплаты до зарплаты и не имеющих возможности тратить деньги на что-либо, кроме питания" (29.0%). Таким образом, медленный дрейф в сторону постоянного общего снижения жизненного уровня может уже осенью достичь отметки, при которой более 50% населения будут проживать в условиях социального бедствия. Вызовет ли прохождение этого "рокового" порога качественное изменение социального состояния общества или же

социальный протест будет по-прежнему пребывать в вялых формах - сказать пока представляется затруднительно. Опыт и советской, и мировой истории говорит о том, что именно медленное и постоянное снижение жизненных стандартов создает ту ситуацию, при которой общество не способно на широкомасштабный социальный протест, более того, зависимость населения от властей всех уровней все время возрастает (лишение даже нищенской "кормушки" ставит людей на грань физического выживания). Однако это соотношение (18:48) весьма сильно колеблется в различных группах и по различным регионам.

Тип поселения	Как оцениваете материальное положение семьи					
	Приходить-ся занимать деньги	Хватает от зарплаты до зарплаты	Хватает только на питание и коммунальные услуги	В целом денег хватает	Полное благополучие	Соотн. дезад. и адап.
мегаполис	12.9	19.9	33.3	25.1	7.0	32.8: 32.1
Областной город	16.8	27.6	33.4	18.2	1.1	44.4: 19.3
Районный город	18.6	36.0	29.1	15.7	.0	54.6: 15.7
село	24.5	32.9	30.1	9.0	.5	57.4: 9.5

Из этой таблицы видно, что в крупных городах число относительно благополучных и неблагополучных семей примерно одинаково, в других же типах поселения, особенно начиная с уровня районного центра и тем более в сельской местности, доминируют семьи с крайне низким уровнем жизни. Исползованный объем выборки в принципе недостаточен для получения обоснованных выводов об уровне жизни в конкретных регионах, однако, обращает на себя внимание то, что наиболее низкий уровень жизни прослеживается таких регионах как Кузбасс (наиболее характерная зона сплошного социального бедствия), Центрально-Черноземный регион, Северный Кавказ - где на грани нищеты находится более 50% населения, в то время как в Москве - только 30-32%. О том же говорят и данные общефедеральной статистики - в среднем по России доход на душу населения составляет около 550 тыс.рублей, тогда как в Москве - около 1.2 млн.руб., т.е. примерно вдвое выше. По данным исследования, средний доход по стране, правда, составляет 466 тыс.руб., но мы считаем эту цифру несколько заниженной.

Эти данные во многом соответствуют известным результатам политического выбора, когда в Москве и других крупных городах почти всегда побеждают "реформаторы", а на селе, в малых городах, том же "красном поясе" - национал-коммунистическая оппозиция. Как показывает анализ, конкретная величина соотношения дезадаптантов и адаптантов весьма сильно коррелирует с политическим выбором.

Как оцениваете материальное положение семьи?	Политическая самоидентификация
--	--------------------------------

	либерал	националист	социалист	центрист
Приходиться занимать деньги	8.8	17.6	28.0	11.8
Хватает от зарплаты до зарплаты	21.9	35.4	31.6	34.4
Хватает только на питание	30.0	32.2	6.9	45.1
В целом денег хватает	31.9	14.6	5.8	23.6
Полное благополучие	6.3	.8	.0	1.6
Соотн. дезад. и адап.	30.7:38.2	46.0:15.4	61.2: 5.8	

т.е. уровень жизни сторонников либералов, в основном поддерживающих нынешний режим и коммунистической оппозиции различается более чем в два раза. Зато остается открытым вопрос о причинно-следственных связях этого соотношения - дело ли в том, что изначальная ориентация на традиционалистские ценности препятствовала исповедовавшим их гражданам адаптироваться к нынешним социально-экономическим условиям, или же, наоборот, мы имеем дело с высокой степенью рациональности сегодняшнего политического выбора - кто адаптировался, тот и поддерживает режим?

Что принесли вам последние 5 лет?	Политическая самоидентификация			
	либерал	националист	социалист	центрист
уровень жизни не изменился	41.3	17.8	7.2	17.8
уровень жизни возрос	19.4	4.2	1.4	9.4
уровень жизни снизился	36.3	72.9	90.0	67.5

Вы выиграли от реформ?	Политическая самоидентификация			
	либерал	националист	социалист	центрист
скорее да	20.0	5.1	.3	8.4
и да, и нет	38.8	21.4	8.6	24.4
скорее нет	28.8	63.8	84.8	57.0

Анализируя социальные, профессиональные, образовательные и другие характеристики населения, можно говорить, в первую очередь, о поколенческом расколе общества (см. таблицы). Молодежь в возрасте до 21 года и поколение их родителей (41-50 лет) оказались как бы на разных полюсах.

Возраст	Субъективная оценка материального положения семьи

	Приходить-ся за-нимать деньги	Хва-тает от зарпла-ты до зарпла-ты	Хва-тает только на пи-тание и комму-наль-ные услуги	В целом денег хватает	Пол-ное благо-получие	Со-отн. дезад. и адап.
до 21 года	9.1	13.6	31.8	34.1	4.5	22.7: 38.6
22-26 лет	9.6	27.6	34.6	25.0	1.3	37.2: 26.3
27-30 лет	18.9	31.1	25.4	21.3	1.6	50.0: 22.9
31-40 лет	17.6	28.9	28.7	19.1	3.4	46.5: 22.5
41-50 лет	24.4	25.4	31.0	17.0	.3	51.9: 9.5
51-60 лет	20.9	31.0	35.3	9.2	.7	51.9: 9.5
Старше 60 лет	16.7	36.5	36.9	6.4	.7	53.2: 7.1

С одной стороны, это понятно: основные материальные трудности начинаются с создания семьи и рождения детей (в среднем, это около 25 лет). Именно поэтому 30-летние оценивают свое материальное положение несколько ниже, чем 35-летние, у которых дети уже, как правило, не маленькие, а оба супруга могут работать. Но наибольшие трудности начинаются после 40 лет. И дело не в возрасте - дело именно в поколенческом расколе. Нынешние 40-летние сформировались в достаточно безынициативные 70-е годы, и среди них лишь единицы в состоянии успешно "крутиться" - что в современных условиях оказывается даже важнее, нежели собственно квалификация. Но и современным профессиональным минимумом, включающим компьютерную грамотность и знания языков, молодежь владеет значительно чаще. Большую роль играет и отсутствие моральных ограничений, истинных или ложных, которые не позволяют многим представителям старшего и среднего поколений заниматься современными формами бизнеса. Вероятнее всего, нынешняя молодежь сможет сохранить свое относительно обеспеченное материальное положение и перевалив за 35-40 лет.

Здесь также можно проследить существенные различия по уровню материальных притязаний между поколениями: с увеличением возраста уровень их постоянно снижается. Так, если 49.7% опрошенных в возрасте 51-60 лет и 68.1% в возрасте старше 60 лет были бы удовлетворены доходом в 1 млн.руб. и только 31.8% в возрасте до 21 года и 33.3% в возрасте 22-26 лет. Причем среди молодежи чаще отмечают желаемый уровень доходов свыше 2 млн.руб., в то время как в возрастных группах 51-60 лет таких, соответственно, 9.2% и 8.9%.

Таким образом, относительно новым явлением, отчетливо проявившимся в середине 90-х годов, стала тенденция трансформации идеологического раскола общества, характерного для предшествующих лет, в конфликт поколений, "поколенческий" раскол. Для устойчиво развивающегося общества ненормальна ситуация, при которой поколение только вступающих в жизнь и по уровню материального благосостояния и, соответственно, по степени удовлетворенности жизнью и показателям адаптивности на порядок превосходит поколение своих родителей. Как показывают

опросы, молодежь в основном успешно адаптировалась к новой реальности и исповедует новые ценности, тогда как поколение отцов переживает мучительную деструкцию идентичности, а поколение еще более старшее - отстаивает прежние общественные идеалы.

О том, что среднее и старшее поколения весьма неуверенно чувствуют себя, говорит и тот факт, что после 40 лет стремительно начинают расти настроения, которые современные "молодые реформаторы" относят к числу иждивенческих. С примерно 50% до более чем 60% увеличивается число тех, кто считает, что социальную помощь должны получать не только нетрудоспособные граждане, но и все, кто получает недостаточные доходы. Что же касается того меньшинства, которое полагает, что "каждый должен сам решать все свои проблемы", то их доля падает с более чем 9% у молодежи до 1.8% у старшего поколения.

Возраст	Кому должно помогать государство?					
	Только к нетрудоспособным	Только к нуждающимся	Всем, чей доход ниже прожиточного минимума	Помощью должны заниматься благотворительные организации	Помощью должны заниматься	Все должны решать свои проблемы сами
до 21 года	26.1	9.1	42.0	.0	3.4	9.1
22-26 лет	22.4	14.7	44.9	.6	3.2	5.8
27-30 лет	22.1	13.1	48.4	2.5	1.6	4.1
31-40 лет	23.5	11.1	52.2	.8	1.3	4.9
41-50 лет	19.8	9.4	60.1	1.0	.5	3.8
51-60 лет	19.9	9.5	62.1	.7	.7	2.3
Старше 60 лет	33.7	7.8	51.4	.4	.0	1.8

В социально-профессиональном разрезе общество также сильно расколото, однако, по нашей оценке, этот раскол носит вторичный характер по отношению к отмеченным выше расколам по типу поселений и поколенческому. Так, на втором месте после предпринимателей по уровню жизни по всем показателям уверенно находятся студенты, то есть та же молодежь до 22-25 лет. И нужды в деньгах они не знают (54.7%), и средние доходы в абсолюте у них выше (52.4% имеют доход свыше 500 тыс.), то же касается и притязаний. Вслед за богатыми предпринимателями и студентами примерно на одном уровне идут представители различных профессий, в основном предполагающих наличие высшего образования: ИТР на производстве, непромышленная интеллигенция, военнослужащие, работники торговли и сферы обслуживания, прочие служащие. Наиболее тяжелое материальное положение среди работающих групп населения - у "простых работяг" - рабочих и особенно крестьян.

Профессия	Субъективная оценка материального положения
-----------	---

	При- ходить- ся за- нимать деньги	Хва- тает от зарпла- ты до зарпла- ты	Хва- тает только на пи- тание и комму- наль- ные услуги	В целом денег хватает	Пол- ное благо- полу- чие	Со- отн. дезад. и адап.
рабочий	21.2	28.5	34.4	14.2	.0	49.7: 14.2
ИТР	14.6	33.7	22.5	25.8	3.4	48.3: 29.2
интелли- генция	6.7	33.3	36.0	21.3	2.7	40.0: 24.0
Услуги, транспорт, торговля	13.5	27.0	31.1	21.6	4.1	40.5: 25.7
служащие	14.5	22.9	30.1	28.9	1.2	37.4: 30.1
предпри- ниматели	3.7	14.8	18.5	48.1	13.0	18.5: 61.1
жители се- ла	24.3	33.4	30.0	8.9	.5	57.7: 9.4
военные, МВД	11.8	29.4	25.0	29.4	1.5	41.2: 30.9
пенсионе- ры городские	16.5	31.5	40.7	6.5	.8	48.0: 7.3
студенты	4.8	2.4	28.6	47.6	7.1	7.2:5 4.7
безработ- ные	30.8	17.9	25.6	23.1	.0	

Профессия	Доход на члена семьи			
	до 250 тыс.	от 260 до 300 тыс.	от 310 до 500 тыс.	свыше 500 тыс.
рабочий	24.6	19.0	34.6	20.0
ИТР	14.6	15.7	42.7	23.6
интелли- генция	13.1	13.3	37.3	34.7
Услуги, транспорт, торговля	25.7	16.2	20.3	37.8
служащие	18.1	12.0	37.3	25.3
предпри- ниматели	.0	3.7	18.5	74.1
крестьяне	48.5	19.0	23.6	5.7
военные, МВД	4.4	11.8	39.7	44.1
пенсионе- ры городские	16.1	29.8	43.1	9.7
студенты	7.1	9.5	26.2	52.4

безработные	43.6	12.8	25.6	17.9
-------------	------	------	------	------

В крупных мегаполисах типа Москвы в основном порядок социальных групп по уровню жизни сохраняется тот же, что и по стране в целом - лишь с той разницей, что во всех группах средний доход в 1.5-2.5 раза выше. Москва - единственный пункт опроса, в котором относительно благополучная ситуация складывается и у рабочих - адаптантов там лишь ненамного меньше, чем дезадаптантов. Рабочие - 37.5:31.3; ИТР - 33.3:44.4; интеллигенция - 20.0:40.0; торговля - 21.4:50.0; студенты - 0.0:77.7.

Приведенные данные опровергают распространенный миф о том, что "реформы больше всего ударили по интеллигенции и вообще лицам с высокой квалификацией". Нет, отчетливо видно, что сегодняшний достаточно ограниченный рынок приложения труда в целом все же носит гораздо более благоприятный характер для высококвалифицированных работников. Получая небольшую зарплату (может быть, в среднем даже меньшую, чем рабочий) интеллигенция имеет значительно больше возможностей для вторичной и третичной занятости. Причем эти тенденции имеют место не только в крупных городах. Согласно некоторым выборочным статистическим обследованиям, лица с высшим образованием, особенно непроизводственная интеллигенция и госслужащие имеют в среднем также значительно лучшие жилищные условия. Не говоря уже о том, что можно назвать "ценностями свободы" - и не только духовными, но и вытекающими из них карьерно-материальными: такими как свобода информации и свобода передвижения. Все эти факторы во многом определяют то, что именно за счет квалифицированных слоев общества обеспечивается поддержка в целом непопулярному и дискредитировавшему себя политическому режиму.

Между тем, сегодня соотношение адаптантов и дезадаптантов в большей степени соотносится с показателями доверия к ведущим политикам и институтам власти (Ельцин, Черномырдин, правительство и др. - их уровень поддержки как раз и составляет величину от 10 до 20%), нежели отношение к режиму в целом. Опыт последних лет показывает, что поддержка режиму в целом имеет значительные резервы, которые проявляются либо в период президентских избирательных кампаний, либо в случае появления новых политических лидеров режима, на которых распространяется "кредит доверия" (как сегодня - Б.Немцов, немного ранее А.Лебедь, да и одно время В.Черномырдин как альтернатива только что снятому Е.Гайдару). И сегодня мы наблюдаем парадоксальный результат: в одной "связке" работают два молодых первых вице-преьера, на словах ни разу ни дававшие повода разделять их взгляды на проведение реформ. Но один из них вызывает стойкую аллергию практически для всех социальных групп (в том числе, и реформистски ориентированных), другой же, напротив, столь же всеобщую "странную любовь" (в том числе, и в традиционалистски ориентированных).

В результате мы наблюдаем внешне парадоксальную картину, когда доверие к большинству конкретных институтов власти и политическим лидерам в обществе в течение всего последнего пятилетия продолжало снижаться, причем практически во всех социальных группах. В отношении политического режима в целом общество оказалось резко поляризовано, что и продолжают демонстрировать все общенациональные избирательные кампании. Как мы уже отмечали выше, основные водоразделы при этом проходят: а) между населением крупных агломераций и сырьедобывающих районов, с одной стороны, и регионами с сохранившимися традиционалистскими отношениями, в первую очередь, в рамках аграрного сектора, с другой; б) между поколенческими группами - так, по данным исследований, в возрастных группах после 35-40 лет в два-три раза в среднем ниже уровень адаптации к происходящим в стране переменам, и, соответственно, проявляется значительное более

негативное отношение к установившемуся в стране политическому и экономическому режиму. Одновременно усилилась (особенно уже после президентских выборов) тенденция раскола "старого" электората, ранее составлявшего основу поддержки режима, и выделения из него группы "новых недовольных" - в основном инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, проживающих в депрессивных регионах. Значительно радикализовавшись, они, тем не менее, не оказывают однозначной поддержки традиционной оппозиции (КПРФ, НПСР) и сейчас образуют костяк сторонников то ли А.Лебедея, то ли Б.Немцова - то есть тех лидеров, которые прямо не ассоциируются ни с либеральной, ни с коммунистической идеологией. Мотивация же приверженцев нынешней власти, сосредоточенных преимущественно в относительно благополучных социально и экономически регионах - также утрачивает прежний отчасти иррациональный характер.

По данным апрельского опроса, дополненных результатами рядом других исследований, можно судить о степени реальной поддержки обществом современного политического режима в России. Отметим, что отдельные показатели поддержки сильно колеблются, что и приводит к таким парадоксальным, на первый взгляд, фактам, когда число сторонников Б.Ельцина на начало 1996 года составляло примерно 6-7% от активного электората, а на выборах в июле за него голосует более 55% (правда, от принявших участие в голосовании). Сегодня уровень доверия к президенту и правительству вновь значительно снизился, причем доля активных сторонников упала ниже отметки ниже 10%, а вместе с колеблющимися сторонниками составляет цифру около 17%. Зато рейтинг доверия к таким представителям власти в широком смысле слова как Б.Немцов и Ю.Лужков, все же безусловно олицетворяющих идеологию "реформистской" ориентации, превышает 40%.

Таким образом, можно, в соответствии с разными показателями и методиками подсчета утверждать, что в широком смысле слова социальная база нынешнего политического режима находится в пределах 33-43% от общей электоральной базы, а, соответственно, противников - в пределах от 40 до 50%. При этом ядро сторонников колеблется от 10 до 15%, а противников - от 20 до 25%. Такое соотношение хорошо подтвердилось и на губернаторских выборах (число победивших губернаторов жестко ангажированных флангами нашего политического спектра). Между тем, как уже отмечалось, чрезвычайно высока степень раскола общества в регионально-поселенческом и в возрастном разрезах. Различия в уровне поддержки режима по социальным группам менее ощутимы, скорее носит вторичный характер. Ниже приводятся наши оценки по группам, сделанные на основе трех показателей: доверия институтам власти, степени адаптивности к происходящим процессам, желания "вернуть старое".

	ядро сторонников	общая поддержка	общая оппозиция	ядро оппозиции
мегаполисы	28	56	30	16
Крупные и средние города	10	38	49	27
малые города и села	6	27	60	35
молодежь до 30 лет	12	47	24	8
средние возраста (31-50 лет)	13	35	47	19

Старшие возраста (старше 50 лет)	5	26	54	26
---	---	----	----	----

Петухов Владимир - политолог, Центром политического анализа Российского независимого института социальных и национальных проблем